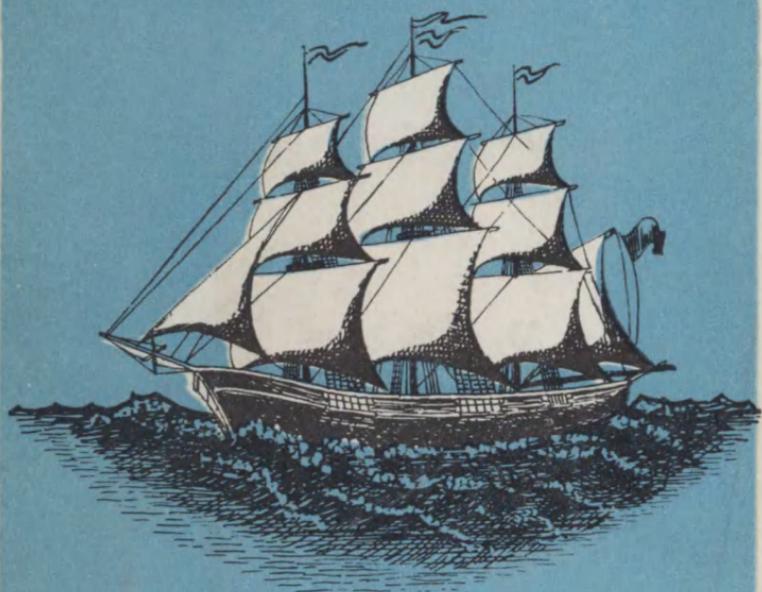

Анатолий Варшавский

Путешествия
ДЮМОН-ДЮРВИЛЯ

Анатолий Варшавский

Путешествия
ДЮМОН-ДЮРВИЛЯ

Издательство «Мысль»
Москва • 1977

91 (09)
В18

РЕДАКЦИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Художник
В. ЛОГИНОВ

В $\frac{20901-067}{004(01)-77}$ БЗ-82-15-76

© Издательство «Мысль», 1977

Светлой памяти моей дочери,
Леночки,
так много сделавшей
для этой книги

После битвы при Трафальгаре, во время которой союзный франко-испанский флот потерпел поражение от английских эскадр, Наполеону, как известно, пришлось отказаться от вторжения на Британские острова. Но Континентальная блокада продолжалась, и Англия по-прежнему оставалась врагом номер один. Перевес на море был несомненно на стороне англичан. И это не могло не тревожить императора.

...Высокий, худой молодой человек, который в один из хмурых ноябрьских дней 1807 года занимает свое место на империаде дилижанса, отправляющегося из Кана в Брест, не знает еще, что Брест в ту пору — фактически единственный действующий военный порт Франции. Юноше — семнадцать лет. И в кармане у него письмо. Господин Шарль-Амбруа Кафарелли, префект Кальвадоса, просит своего брата Луи-Жозефа Кафарелли, морского префекта Бреста, оказать содействие подателю сего письма, племяннику его хорошего знакомого. Юноша хочет стать моряком.

Война, в том числе морская война, продолжается. С 1802 по 1806 год — а в 1805 году был Трафальгар — французский флот потерял тринадцать больших военных кораблей, четырнадцать фрегатов и двадцать восемь легких судов. С 1806 по 1814-й — а в эти годы не произойдет ни одного мало-мальски значительного морского сражения — Франция лишится двадцати шести кораблей, сорока девяти фрегатов и шестидесяти шести вспомогательных судов.

Сто двадцать тысяч французских моряков окажется в 1815 году в английский плену. И все же, когда военно-морской флаг времен империи был заменен флагом Бурбонов,

французский военно-морской флот все еще насчитывал сто три корабля и пятьдесят четыре фрегата.

С торговым флотом дело обстояло хуже: из тысячи пятисот кораблей, предназначенных для дальних плаваний, тысяча двести сорок четыре была захвачена англичанами.

Жюль-Сезар Себастьян Дюмон-Дюрвиль родился в 1790 году. Отец его был королевским судебным чиновником, балли, в Кальвадосе. Через два года после рождения сына, в 1792 году, он был арестован и предстал перед Революционным трибуналом. Защитником при разбирательстве выступила мать Жюль-Сезара. Она сумела убедить судей, что полупарализованный шестидесятилетний старик не имел и не имеет никакого отношения к козням врагов Республики.

В 1797 году отец умер. Мальчика воспитывали мать и дядя. Дядя — аббат Круазель — учил грамоте, а мать... Мать в молодости читала Руссо, и ей хотелось, чтобы мальчик жил «естественной» жизнью и закалялся как можно основательнее: бегал босиком, обливался холодной водой, рос подвижным, здоровым, ловким. Мальчику это, разумеется, доставляло удовольствие. Он научился хорошо плавать, у него были крепкие мускулы. Ему, как он об этом сам впоследствии напишет, были ничем ни скверные деревенские дороги с грязью по щиколотку, ни болотистые тропы, ни крутые подъемы. Холмов и лесов в округе было много, и ему разрешалось ходить везде, где захочется.

Арифметика, геометрия, латынь — все давалось ему легко. У него вообще были явные способности к языкам. Он выучит и греческий, впоследствии овладеет немецким, итальянским, английским, научится изъясняться по-русски, будет читать древнееврейские тексты, успешно займется изучением диалектов племен и народов, населяющих Океанию, выучит китайский.

Но все это будет впоследствии, а пока Жюль-Сезар том за томом читает книги в библиотеке своего дяди, слушает его наставления и готовит уроки. Его интересуют не только древние авторы и древняя история. С детских лет он проявляет склонность и к науке: ему нравится физика и химия, и минералогия. А больше всего он увлекается ботаникой. У него есть гербарии и коллекции минералов. Он знает названия едва ли не всех растений в окрестностях.

Аббат Круазель советует племяннику поступить в Политехническую школу. «Это, несомненно, лучшее высшее учебное заведение Франции, — говорит он. — В нем преподают

все известные французские ученые». В октябре 1807 года Жюль-Сезар сдает вступительные экзамены. Но, увы, не набирает достаточное количество очков. Причина? Ну, может быть и та, что по настоянию матери он, готовясь к экзаменам, поступил на гуманитарный факультет Канского лицея и сравнительно мало занимался геометрией и алгеброй. А возможно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что именно в это время он увлекается историей великих морских путешествий: по целым дням читает описания экспедиций Ансона, Кука, Бугенвиля, Лаперуза. Путешествия вокруг света! Неведомые страны, неведомые народы.

«Вы наверняка поступите на следующий год. Надо только лучше подготовиться к экзаменам, — говорят ему. — Желаем удачи».

Он вежливо выслушивает, благодарит. Но в Политехническую школу Жюль уже не вернется. Решение принято. Он станет моряком.

Впоследствии Дюмон-Дюрвиль напишет:

...Я пришел к выводу, что нет ничего более благородного на свете, чем посвятить свою жизнь прогрессу науки. Именно поэтому мне всегда были больше по сердцу научно-исследовательские плавания, нежели военные походы.

Но пока нет ни военных походов, ни далеких путешествий. Молодого добровольца назначают — таковы действующие правила — матросом. Ему, однако, разрешают (рекомендательное письмо все-таки возымело свое действие) сдавать экзамен для дальнейшего продвижения по службе. Год спустя ему присваивают звание гардемарина, и он получает назначение на свой первый корабль, фрегат «Амазонка». Дюмон-Дюрвиль мечтает о путешествии в Индию: туда должен был отправиться фрегат. Но ничего не происходит. Восемнадцать месяцев будет стоять на якоре в Гавре корабль: все французские порты блокированы английскими эскадрами.

В свободное время гардемарин посещает морскую библиотеку в Гавре. Он занимается составлением сравнительной грамматики древнееврейского языка, греческого и латыни. И усиленно изучает математику.

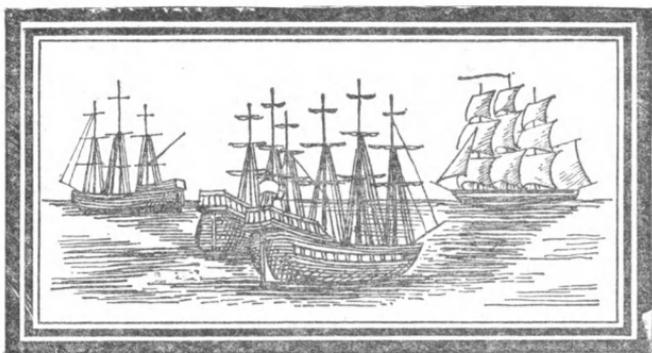
В 1810 году Дюмон-Дюрвиль получает звание гардемарина первого класса. Два года спустя он становится лейтенантом.

В 1815 году он женится. Невесту зовут Адель Пепен, она из семьи часовщика. «Я ее очень люблю», — напишет

он матери И все-таки годом позже, узнав, что французский мореплаватель Луи-Клод Фрейсине отправляется в путешествие вокруг света, Дюмон-Дюрвиль подает рапорт с просьбой зачислить его в экспедицию. Следует отказ: слишком поздно, экспедиция укомплектована.

Проходит еще три года. Дюмон-Дюрвилю уже двадцать девять лет. И он по-прежнему «сухопутный» моряк. Но, кажется, наконец настает и его черед. Контр-адмирал Гама-лен, большой знаток и любитель ботаники, рекомендует Дюмон-Дюрвиля капитану Готье. Последний вот уже два года занимается на старом, но все еще крепком судне «Ля Шевретт» гидрографией Средиземного моря. А заодно исследованием флоры и фауны здешних мест.

Итак, 1819 год. Дюмон-Дюрвиль — участник четвертой экспедиции «Ля Шевретт». Ему поручены ботаника, энто-мология, археология.

Оно голубое и зеленое, это море, изумрудное и фиолетовое, не знающее ни отливов, ни приливов, ни коварных подводных скал, ни сильных течений, ни постоянных ветров. Это не значит, что здесь не бывает штормов, случаются и шквальные ветры, подчас вздымаются валы — и высоко. Но плохая погода непродолжительна, штормы быстро угасают, волнение преходяще. В древности его называли Великим морем заката, называли Прекрасным морем. Солнце появляется здесь из-за прибрежных гор Сирии и лишь через два часа — так велико море — рассеивает ночной мрак у Геркулесовых столбов.

...С детства знакомые названия: Милос, Кос, Самос, Лесбос. «Ля Шевретт» плывет вдоль фессалийских берегов, останавливается в Эвбее, следует к морским воротам Афин, как называют гавань Пирей. И пятнадцатого ноября 1819 года возвращается в Тулон. Непродолжительный отдых, и судно снова отправляется в плавание. На сей раз официальными инструкциями капитану Готье предписывалось приступить к гидрографическим исследованиям Дарданелл, Мраморного моря, Босфора и Черного моря.

Шестнадцатого апреля 1820 года «Ля Шевретт» бросает якорь в гавани острова Милос. Вместе со своим приятелем лейтенантом Матеррером Дюмон-Дюрвиль отправляется в гости к здешнему французскому консулу Бресту. Они застают его в чрезвычайном волнении.

За неделю до этого, восьмого апреля 1820 года, местный житель, крестьянин Йоргос вместе с сыном работал на своем поле. Оно находилось примерно в пятистах шагах от

руин древнего театра, неподалеку от вырубленных в скалах гробниц.

Распахивая участок, Иоргос наткнулся на остатки стены и какие-то тесанные из камня плиты. Камень, в особенности обработанный, ценился на острове как строительный материал. Иоргос принялся раскапывать яму.

День был жаркий, солнце припекало и поднялось уже довольно высоко, когда лопата вновь ударилась о что-то твердое. Крестьянин увидел каменную нишу. Она была примерно в четыре-пять метров шириной и Иоргосу не сразу удалось в нее проникнуть. Но в конце концов усилия его все же увенчались успехом. В камennom склепе, он, к своему удивлению, видит статую из мрамора. Казалось, сама Венера пеннорожденная шагнула ему навстречу из мрака гробницы.

Рядом стояли две статуэтки и лежало несколько других обломков мрамора.

Иоргосу хорошо известно, что древности привлекают иностранцев. И поэтому он тут же отправляется к своему соседу, французскому консулу Бресту: не посмотрит ли господин консул находку?

Но Брест в общем не очень значительный чиновник министерства иностранных дел и не слишком сведущ в вопросах, относящихся к сфере искусства. Может быть поэтому, хотя статуя ему и нравится, он просит командиров, стоящих в гавани французских корветов (Франция активно стремится улучшить отношения с Турцией, и обмен визитами в самом разгаре) прислать кого-нибудь из офицеров, понимающих толк в скульптуре.

Четыре дня спустя, двенадцатого апреля, в письме, адресованном Давиду, генеральному консулу в Смирне, Брест напишет: «Одни из видевших ее (статую. — А. В.) офицеров утверждают, что в ней нет ничего особенного. Другие, наоборот, доказывают, что это — великолепная работа. Если вы хотите, чтобы я приобрел ее за счет правительства, прошу соответствующих распоряжений».

Господин Давид тоже, конечно, сам ничего решать не будет. Он запрашивает посла.

До Смирны, куда послано донесение, не близко. До Константинополя, где находится резиденция посла, еще дальше.

Тем временем в гавань Милоса входит «Ля Шевретт». Античный мир, его культура, искусство давно уже интере-

суют Дюмон-Дюрвиля. В походной сумке он возит с собой томик Павсания, древнегреческого писателя, подробно рассказавшего об известных в его время творениях зодчих и скульпторов.

Естественно, что как только Дюмон-Дюрвиль узнает о сделанном Иоргосом открытии, он вместе с Матеррером идет смотреть статую. Хозяин хранит ее в сарае, когда входишь нужно, чтобы глаза привыкли к темноте. Впечатление огромное. Купите, предлагает Иоргос, я недорого возьму: триста пятьдесят франков. Таких денег ни у Дюмон-Дюрвиля, ни у Матеррера нет. Дюрвиль делает зарисовки, записи.

Несколькими днями позже «Ля Шевретт» снимается с якоря. Путь — в Константинополь. Там Дюмон-Дюрвиль лично обо всем расскажет послу и передаст ему свой отчет.

Посол в далеком Константинополе маркиз де Ривьер не колеблется ни минуты. И приказывает одному из секретарей посольства, виконту Марцеллюсу, приобрести статую.

Но пока посланное за ней судно «Л'Эстафетт» плывет на Милос, тучи над статуей сгущаются. Здесь — каким только ветром его занесло — появляется некто Ойкономос Верги, священник, близкий к Николаки Мурузи, одному из должностных лиц в Константинополе, фактически управляющему всеми греческими островами. Правда, в данный момент Верги находится в немилости у Мурузи. Но тем более ему хочется восстановить свое положение. Статуя, о которой говорит весь Милос, ему как дар неба. Он прекрасно понимает, что Мурузи будет обрадован этим подарком. Но Брест уже предупредил Иоргоса, что за статуей скоро приедут.

Верги просит, страшает, поит старейшин и Иоргоса и (как-никак остров подчинен Турции, и местные жители во многом зависят от Мурузи) в конце концов добивается согласия на покупку статуи.

Двадцать третьего мая 1820 года «Л'Эстафетт» входит в гавань Милоса.

Статуя у Верги, он грузит ее на свое судно. В завязавшихся переговорах с французской стороны принимают участие вооруженные матросы. Во всяком случае они сопровождают Марцеллюса.

В конце концов французы получают статую. И отдают Верги деньги, которые тот уплатил за нее.

Задание выполнено: «Л'Эстафетт» распускает паруса и двадцать пятого мая 1820 года покидает Милос. Курс — Франция.

Первого марта 1821 года специально прибывший в Париж маркиз де Ривьер преподносит дивную статую в дар королю Людовику XVIII. Вскоре она попадает в Лувр.

Статуя могла изображать только богиню — таково было общее мнение. Венерой Милосской — окрестил ее первый исследователь, секретарь Французской Академии художеств, Катрмер де Кинси.

Справедливости ради следует сказать, что Венерой ее называли и Брест, и Дюмон-Дюрвиль. У этой чудесной статуи был только один крупный изъян: левая рука отсутствовала, а правая безжизненным обручком едва-едва доходила до нижней линии груди.

До сих пор идут споры о том, каково было первоначальное положение рук у Венеры. И были ли они, кстати, когда Йоргос нашел статую. Одно из важнейших свидетельств принадлежит Дюмон-Дюрвилю: ведь он был в числе тех немногих людей, которые видели статую еще в те времена, когда она находилась на острове. Вот оно: «Статуя (я измерил обе ее части по отдельности)... изображала обнаженную женщину, которая в левой поднятой руке держала яблоко, а правой придерживала красиво драпированный пояс, небрежно ниспадавший от бедер до ног». А дальше следует фраза, которая вызвала немало толков: «В остальном и та, и другая рука повреждены и в настоящее время отняты от туловища».

Под «настоящим временем» Дюмон-Дюрвиль, очевидно, разумел те дни, когда он был еще на острове.

Слова Дюмон-Дюрвиля подтверждает еще один очевидец, консул Брест, который в известном уже нам письме к Давиду (мы его уже частично цитировали), датированном двенадцатым апреля, то есть на четвертый день после находки статуи, писал: «Местный крестьянин нашел на принадлежавшем ему участке три мраморные статуи. Одна из них изображает Венеру с яблоком раздора в руках; она несколько покалечена, руки у нее поломаны (под второй и третьей статуей Брест подразумевал статуэтки-гермы. — А. В.)». И тот же Брест в письме от двадцать шестого ноября 1820 года, написанном уже после того, как маркиз де Ривьер самолично побывал на Милосе, сообщал: «Его превосходительство приказал мне заняться поисками рук и

других обломков статуи, но для этого надо добиться специального разрешения у турок, которое дало бы возможность производить раскопки за наш собственный счет. Есть основания надеяться, что в той же самой нише, где ее нашли, можно разыскать и другие предметы».

Нет, право, не так-то просто доказать, что статуя якобы, как утверждали некоторые историки искусства в конце XIX века, да и в нашем веке, была найдена с целыми руками и что она изображала Венеру с яблоком Париса. Все тот же Дюмон-Дюрвиль был далеко не так категоричен. Он писал: «Все эти атрибуты, казалось бы, вполне подходят к Венере во время суда Париса, но где тогда Юнона, Минерва и красавец пастух?»

Неподалеку от Милоса он побывал еще на одном небольшом острове, точнее, группе островков. Всего их было пять. Три образовали нечто вроде кольца, а два находились в центре этого кольца. Некогда это был единый вулканический остров, диаметром примерно в восемнадцать километров. Его венчала широкая, конусообразная гора.

Во Франции остров был известен под именем Санторин. Ныне его называют Тира. В последние годы ученые связывают колоссальное извержение местного вулкана, которое произошло где-то между 1500 и 1450 годами до новой эры, с последовавшим за ним упадком критской цивилизации.

Дюмон-Дюрвиль был одним из первых исследователей, занимавшихся геологией этого необычного острова, едва ли не самого опасного среди множества вулканических центров Кикладской вулканической зоны, островной дугой протянувшейся через Эгейское море.

...Вздыбленные, круто уходящие вверх скалы. Они мощны и живописны, серовато-белые с черными и темно-красными прослойками. Окаменевшие лавовые выбросы. Огромные камни, иногда одиночные, чаще по два — по три, а то и целые нагромождения. Седловины гор. Разломы. Мощный слой окаменевшего вулканического пепла. Так ныне выглядит остров. Таким увидел его и Дюмон-Дюрвиль.

Доклад, прочитанный Дюмон-Дюрвилем в Академии наук в январе 1821 года, вызывает огромный интерес. Исследователь рассказывает о том, как была найдена Венера Милосская, о подземных галереях на острове Милос, о геологических особенностях острова Санторин, о растениях, встречающихся на островах архипелага. Каждой из этих

тем он посвятит потом отдельные публикации. Они выйдут в свет в последующие годы.

Автор публикаций какое-то время после доклада в Академии продолжает свои ботанические и энтомологические изыскания — на этот раз под Парижем. С ящичком для насекомых за плечами и с походным гербарием в руках он проводит много времени на Сене: его интересуют здешние насекомые и здешняя флора. Он вступает в члены Линнеевского общества. А когда стало организовываться Французское географическое общество, становится одним из его деятельных членов-учредителей.

Однажды в начале 1821 года он встречает на улице своего однокашника и друга Дюперей. Тот только что вернулся из дальних стран.

Дюмон-Дюрвиль слушает оживленный рассказ, задает вопросы, переспрашивает. Да, что говорить, Дюперей побывал в местах сказочных. Вот это действительно путешествие! Вот это человек посмотрел мир! А он-то, Дюрвиль, до сих пор дальше Эгейского, Черного и Средиземного морей так никуда и не плавал.

...Ему — тридцать лет. И он все еще по-прежнему лейтенант, хотя и получил это звание уже семь лет назад. Правда, лейтенант, награжденный орденом Почетного Легиона. Этот орден ему пожаловал Людовик XVIII, после того как Венера Милосская была привезена во Францию.

И вот желанный миг. В августе 1821 года Дюмон-Дюрвиль получает звание капитан-лейтенанта. Теперь можно приступить к осуществлению того, что они уже не единожды обговорили с Дюпереем: подать морскому министру разработанный ими проект кругосветного путешествия. Да, конечно, открыть что-нибудь новое, совсем новое уж нелегко. Но можно еще с большей точностью определить географическое положение уже открытых островов. Уточнить береговые линии ранее обнаруженных земель. Строение и происхождение коралловых островов Микронезии и Полинезии. Раздобыть сведения о живущих на просторах Тихого океана народах и племенах. Уйма дел, всего не перечислишь!

Итак, пересечь океанские просторы от мыса Горн до мыса Доброй Надежды и посетить малоизученные уголки Океании — такова была главная задача. Одновременно особое внимание экспедиция должна была обратить на ис-

следование западного побережья Новой Голландии, нынешней Австралии.

Корвет «Ракушка» выходит из Тулона одиннадцатого августа 1822 года. Когда «Ракушка» возвращается в этот порт назад, двадцать шестого марта 1825 года, у нее за кормой остается двадцать пять тысяч миль. Семь раз корабль пересекал экватор. Моряки побывали на Тенерифе, в Бразилии, обогнули мыс Горн, открыли острова Клермон-Тоннера, Дюперея, Дюмон-Дюрвиля. Они исследовали побережье Австралии, посетили несколько полинезийских архипелагов, и множество островов, в том числе Таити; заходили на Молукки; отдыхали и ремонтировались в течение двух месяцев в Сиднее; шли вдоль берегов Новой Зеландии, обследовали берега Новой Гвинеи, а затем традиционным уже к тому времени путем возвратились через мыс Доброй Надежды и остров Святой Елены домой. В общем это было удачное путешествие. Мало было больных, никто из команды не умер; бури обходили корабль стороной.

Достаточно весомы были и научные итоги. Положены на карту и уточнены большие участки береговой линии Новой Гвинеи, Новой Зеландии, уточнено местоположение ряда других островов, проведены многочисленные наблюдения за течениями, температурой, плотностью воды. Экспедиция — стараниями Дюмон-Дюрвиля — привезла во Францию прекрасный гербарий. Три тысячи растений, из них четыреста ранее не известных европейской науке видов. И одиннадцать тысяч насекомых, из них семьсот совершенно неведомых европейцам видов, отличная коллекция. И великое множество зарисовок, описаний.

Нет, недаром еще в бытность свою в Кане Дюмон-Дюрвиль зачитывался сочинениями Жоржа-Луи Леклерка, графа де Бюффона, который в 1749 году приступил к изданию монументального труда — «Естественная история», вышедшего добрых полсотни лет и законченного уже его учениками. Это была интереснейшая книга. В ней говорилось об истории мира и Земли, о происхождении и развитии жизни на нашей планете, о судьбах растительного и животного царства, о месте человека в природе. В свое время Дюмон-Дюрвиль сделал из нее немало выписок.

Бюффон во многом привил ему вкус к естественной истории, к занятиям ботаникой.

И был еще и Ламарк. Его «Флора Франции» стала классикой едва ли не в год выхода, в 1778 году. Читал Дю-

мон-Дюрвиль и курс Ламарка «Гидрогеология», появившийся в 1802 году. Тот самый курс, в котором Ламарк писал о том, что лик Земли, а соответственно ее животный и растительный мир менялся на протяжении веков и тысячелетий постепенно. А раз так, то новые условия должны были порождать и соответствующую приспособляемость организмов, новые возможности органов, да и новые органы.

...Это тогда Кювье, который уже был знаменит и авторитетен, с усмешкой заявил: «Безграничное время, которое играет такую роль в религии магов, не менее важную роль играет и в размышлениях Ламарка». Кювье, великолепного Кювье, ставшего при жизни классиком, воззрения Ламарка приводят в бешенство. И не удивительно! Ламарк — убежденный эволюционист. Кювье — убежденный и непримиримый сторонник неизменяемости видов и идеи постоянства катастроф.

Думал ли Дюмон-Дюрвиль, что именно Кювье, который открыл целый мир вымерших животных и привел в систему все сделанные им и до него находки ископаемых позвоночных, этот человек, учившийся вместе с Шиллером и ставший во времена Наполеона бароном, а во времена Людовика XVIII пэром Франции, этот баловень судьбы, пред чьим авторитетом преклонялась чуть ли не вся наука века, ознакомится по поручению Французской Академии наук с научными результатами кругосветного путешествия, совершенного на «Ракушке»! Шумный и блестящий наполеоновский барон, с огромной головой, украшенной копной рыжих волос, дает великолепный отзыв обо всем том, что сделано экспедицией в области естественных наук, а ведь это заслуга Дюмон-Дюрвиля. Свое удовлетворение гидрографическими работами, осуществленными Дюпереем и Дюмон-Дюрвилем, высказывает и другой крупнейший французский ученый — знаменитый физик Араго.

Он особенно подчеркивает значимость работ, посвященных изучению распределения поверхностных и глубинных температур воды в пределах Океании, начатых еще русскими экспедициями во времена кругосветного плавания Крузенштерна и теперь продолженных французскими моряками. Араго прав. Проблема взаимодействия океанических и воздушных масс — одна из самых кардинальных. Океанологи — пусть в более глубоком и широком плане — занимаются ею и в наши дни.

Все как будто бы хорошо. Дюмон-Дюрвиль получает звание капитана второго ранга. Он занят любимым делом,

успешно продолжает свои научные изыскания. Но только вот не сложились у него, очевидно, к концу плавания отношения с Дюпереем. А может быть, почувствовал к тому времени Дюмон-Дюрвиль, что пора ему самому возглавлять экспедиции. Был у него уже свой взгляд на научную проблематику будущих исследований. Просторы Океании не просто манили воображение: сложилась целая программа действий.

Разумеется, немало было накоплено сведений об Океании к тому времени. Но все больше о посещаемых крупных островах, хотя и они тоже были не достаточно изучены. Что уж там говорить о россыпи коралловых островов Микронезии и Полинезии. Еще предстояло исследовать сотни пунктов.

И все большее значение приобретают работы по наблюдению за течениями, температурой и плотностью воды.

На новую ступень в ходе замечательных кругосветных плаваний русских моряков, начавшихся с 1803 года, поднималось исследование морей и океанов и ширилась эстафета научного поиска.

«В настоящее время истинная цель научных экспедиций должна скорее заключаться в том, чтобы пополнить географические знания человечества сведениями о недостаточно исследованных берегах и малоизученных архипелагах, и в особенности в том, чтобы с помощью морских хронометров уточнить местоположение многих островов и рифов (чье положение до сих пор сомнительно) относительно тех пунктов, которые уже считаются установленными благодаря многократным наблюдениям. Я предложил и предпринял плавание на «Ракушке» исходя из вышеуказанных соображений, которыми я не переставал руководствоваться во все время экспедиции.

В этой связи мне представлялось, что наиболее важными для географических исследований являются следующие районы Тихого океана: Новая Зеландия, острова Вити (Фиджи. — А. В.), острова Лоялти, Новая Британия и Новая Гвинея; именно на изучение этих районов и были направлены все мои усилия».

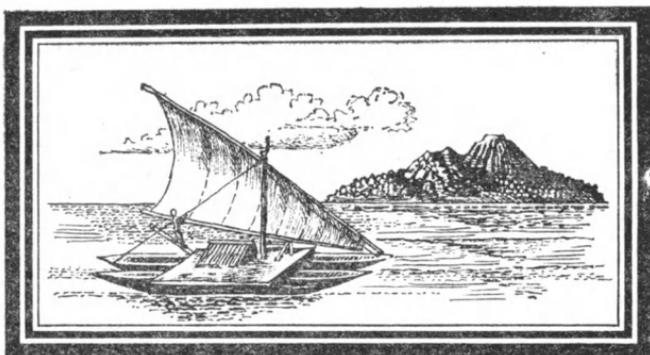
Так впоследствии напишет о своей второй кругосветной (и первой самостоятельной) экспедиции Дюмон-Дюрвиль. Впрочем, было еще одно немаловажное обстоятельство.

В официальных инструкциях морского министра, врученных Дюмон-Дюрвилю, было сказано: «Особое значение предпринимаемое Вами плавание приобретет в том случае,

если Вам удастся обнаружить следы пропавшей экспедиции Лаперуза».

Сам Дюмон-Дюрвиль в своем дневнике запишет: «К тому времени (то есть ко времени организации экспедиции. — *А. В.*) чуть ли не вся европейская пресса поместила сенсационные сведения о том, будто бы некий английский капитан-китолов где-то между Новой Каледонией и Луизианой обнаружил следы пропавшей экспедиции Лаперуза. Был найден крест Святого Людовика и какие-то медали».

Лаперуз — это была давняя любовь Дюмон-Дюрвиля.

Первого августа 1785 года из гавани Бреста вышли два фрегата: «Буссоль», на которой развевался белый брейд-вымпел капитана первого ранга, командующего отрядом Лаперуза, и «Астролябия» под командованием капитана первого ранга Флерио де Лангла. Их провожали сотни жителей. Дул попутный ветер. Постепенно корабли превратились в едва заметные точки, а затем и вовсе исчезли за линией горизонта.

В состав экспедиции вошло двести двадцать пять человек. Кораблям Лаперуза предстояло посетить малоизученные, а порой и вовсе не известные европейцам районы Тихого океана, определить географические координаты многих пунктов, произвести астрономические наблюдения, проверить и уточнить сообщения более ранних путешественников. Они должны были собрать сведения о растительном и животном мире, о людях, населяющих далекие земли и острова. В экспедиции приняли участие крупные ученые: академики-астрономы Монж и Лепот Данжеле, географ Бернизе, ботаник, доктор медицины, Ламартиньер, физик Ламанон, натуралист Дюфрен, рекомендованный Лаперузу самим Бюффоном. «Буссоль» и «Астролябия» были оснащены новейшими навигационными приборами: хронометрами для определения долготы места на море и секстанами, при помощи которых можно было определять широту места с точностью до 20—30 минут. В распоряжение Лаперуза были переданы компасы, которыми пользовался Кук.

Через полтора года, подводя итоги первой половины путешествия, Лаперуз сообщил морскому министру:

«Из восемнадцати месяцев пятнадцать мы провели в море. Я посетил остров Пасху и тот район западнее Сандвичевых островов, где по сведениям испанцев должны находиться открытые ими острова: никаких островов там нет. Кроме того, я побывал на острове Мове (Мауи) из группы Сандвичевых островов, на котором Кук не был, внимательно осмотрел северо-восточное побережье Северной Америки от горы Св. Ильи до Нутки и нанес на карту вчерне набросанную Куком береговую линию от Нутки до Монтерея. Я пересек Великий океан по прямой, отстоящей на сто лье от тех мест, которыми проходили другие мореплаватели, и открыл остров Неккер и «Риф французских фрегатов». Я доказал, что острова ла Горта, Дезерт, ла Мира и Жарден не существуют, и я посетил, как мне было приказано, один из северных Марианских островов».

Продолжив свое путешествие, Лаперуз устанавливает, что остров Сахалин отделен от материка проливом, и обнаруживает пролив между Сахалином и Иессо, который будет назван его именем. Его корабли заходят в Петропавловск-Камчатский — о пребывании французских мореплавателей ныне напоминает мемориальный камень в честь Лаперуза, — а оттуда Лаперуз отправляется в Австралию.

В письме, написанном седьмого февраля 1788 года и адресованном морскому министру, французский мореплаватель сообщал: «Я поднимусь к островам Дружбы, выполню все, что предписано инструкциями в отношении Новой Каледонии и острова Санта-Крус, обследую южный берег земли Арсакидов, открытую Сюрвилем и Луизиаду, найденную Бугенвилем. Пройду между Новой Каледонией и Новой Голландией другим путем, нежели канал Индевр, если, разумеется, он существует. В сентябре — октябре обследую залив Карпентария и восточный берег Новой Голландии вплоть до земли Ван-Димена, но с таким расчетом, чтобы к декабрю 1788 года добраться до Иль-де-Франс».

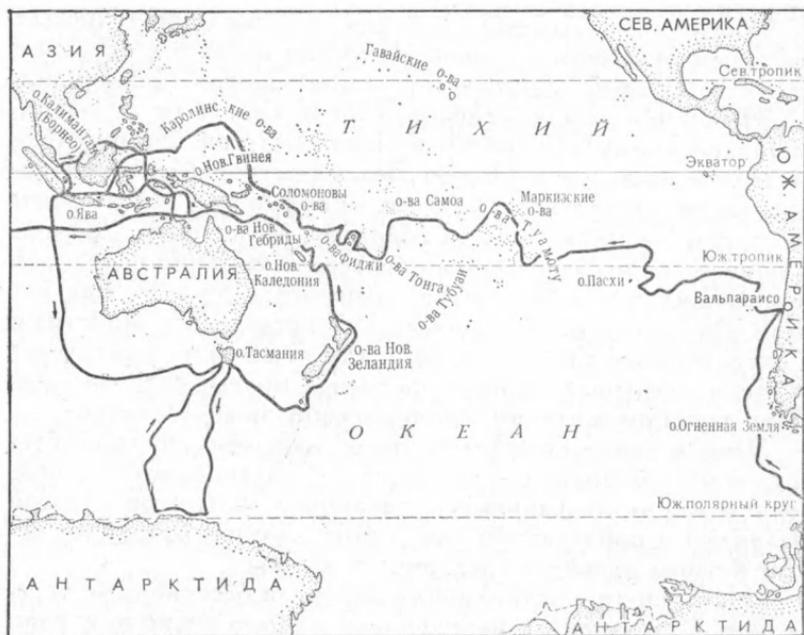
Поясним: Иль-де-Франс — это нынешний остров Маврикий. Земля Ван-Димена — остров Тасмания, а Новая Голландия — это Австралия.

В Париж письмо доставил некто Хантер, капитан английского фрегата «Сириус». Он же привез еще одно послание на имя главного директора портов и arsenалов Франции, которое заканчивалось так: «Пятнадцатого марта я выйду из Ботанической бухты. Надеюсь в декабре быть на Иль-де-Франс».

Эскадра не пришла на Иль-де-Франс. Она не пришла ни в один из указанных портов. Она исчезла.

В память о Лаперузе Дюмон-Дюрвиль, которому королевским ордонансом от двенадцатого ноября 1825 года официально предписывалось вступить в командование «предпринимаемой для географических исследований и в интересах навигации и естественных наук» экспедиции, переименовывает «Ракушку» в «Астролябию». Экипаж — восемьдесят человек, в том числе шесть морских пехотинцев.

Корабль покидает Тулон двадцать пятого апреля 1826 года.

Маршруты путешествий Дюмон-Дюрвиля

Тридцать четыре дня проводит «Астролябия» перед входом в Гибралтарский пролив — свирепствовали западные ветры. Потом был остров Тенериф и, естественно, прогулка на знаменитый пик. Дюмон-Дюрвиль и его спутники дошли до самой вершины — это удавалось не всем — и убедились, что вершина представляет собой полуразрушенный кратер.

Но были и более существенные заботы. Как и предписывалось инструкциями, десятидневное пребывание на Тенерифе дало возможность не только закупить свежее продовольствие и пополнить запасы воды, но и произвести необходимые астрономические наблюдения — следовало выверить по судовым хронометрам долготу, на которой располагался Тенериф. Разумеется, положение Тенерифа определялось не единожды, но твердой уверенности в правильности этих определений все еще не было: не намного, а все же различались полученные данные.

Основные работы, однако, были впереди — путешествие еще только-только начиналось.

Обогнув мыс Доброй Надежды, «Астролябия» прошла Бассовым проливом к Новой Зеландии и далее к островам Тонго и Фиджи. А до этого была Новая Голландия. «Астролябия» зашла в гавань Короля Георга на юго-западе Новой Голландии, потом в Порт-Джэксон. На переходе из Порта-Джэксон в Новую Зеландию корабль сорок восемь часов подряд трепала буря. «Гордые тем, что мы идем по следам Тасмана, Кука и Мариона, — напишет Дюмон-Дюрвиль, — мы испытывали страстное желание пополнить те сведения, которыми наука располагала об этих еще так мало изученных местах, пристально исследовать животный и растительный мир и в особенности как можно тщательнее изучить привычки, обряды, обычаи и нравы, которые придают здешним жителям такой своеобразный характер».

Этим и займется экспедиция. И наверное, не легкий был труд и многое пришлось испытать ее участникам, если, подводя итоги пребыванию «Астролябии» у берегов Новой Зеландии и проделанной там работе, Дюмон-Дюрвиль делает в своем дневнике следующую запись:

«Наконец-то «Астролябия» покинула беспокойные берега Новой Зеландии и направилась в более тихие прибрежные районы экваториальной зоны. Наконец-то мы отдохнем после изнурительных трудов. Трижды экспедиция была под угрозой гибели: при входе в бухту Течений, в проливе Французов и особенно около рифов бухты Изобилия. Десять раз корабль трепали сильнее ветры. И лишь ценой огромных усилий нам удалось завершить начатое нами важное дело. Но мы уносим с собой мысль, что результатом нашего пребывания у берегов Новой Зеландии являются значительные работы. Обширная береговая линия была нанесена на карту скрупулезно и с малейшими деталями. Отныне географы не смогут говорить об этих

больших южных островах, не упоминая работ и открытий, сделанных «Астролябией». Что по сравнению с такими результатами все пережитые нами опасности и лишения?!»

На островах Фиджи Дюмон-Дюрвиль очень понравились местные жители: высокие, пропорционально сложенные, дружелюбные. Но из восемнадцати дней, которые «Астролябия» провела на островах Фиджи, четырнадцать лил бесконечный дождь и непрерывно штормило. Естественно, что это помешало проведением работ, хотя, как заметил Дюмон-Дюрвиль, «у нас есть основания предполагать, что каковы бы ни были результаты проделанных нами исследований, они заслуживают уважения и интереса мореплавателей и географов. И если последующие экспедиции выполнят в северной части такие же исследования, которые «Астролябия» провела в южных районах островов Вити, то для этого уголка Океании нечего будет и желать лучшего».

Да, плавание было не из легких. Со свойственной ему прямотой Дюмон-Дюрвиль напишет в своем дневнике: «Введенный в заблуждение рассказами об относительно легких путешествиях «Урании» и «Ракушки», о которых говорили чуть ли не как о прогулках, экипаж, видимо, рассчитывал, что то же самое повторится и на «Астролябии». Но не единожды на собственном опыте и самым жестоким образом я убеждался, что это не так. Истинной целью исследовательского путешествия являются поиски неведомых земель или же тщательные исследования тех земель, которые еще недостаточно известны. При этом далеко не всегда удастся избежать опасности или обойти все встречающиеся на пути подводные камни». И все же, добавляет он, «если бы я мог предвидеть, что испытанные нами жестокие невзгоды и тяжелейшее плавание, потребовавшее напряжения всех сил, будут с таким безразличием встречены в морском министерстве, я бы с большим вниманием отнесся к безопасности моих товарищей во время путешествия».

Однако то, о чем пишет Дюмон-Дюрвиль, относилось к одному конкретному случаю, когда он не изменил курс корабля, несмотря на явное беспокойство команды, и в приведенных выше словах есть несомненно некоторый привкус горечи. А вообще-то, команда была хорошая. И то, что люди уставали, в этом, наверное, не было ничего удивительного — трудное было плавание.

...Когда Дюмон-Дюрвиль плыл мимо островов Лояли,

ему не раз приходила в голову мысль — он даже запишет это в своем дневнике, — что следы экспедиции Лаперуза следует искать где-нибудь на одном из здешних берегов. Но исследовать западное побережье этих островов «Астролябия» должна была — так значилось в полученных инструкциях — лишь на следующий год. Если бы только Дюмон-Дюрвиль знал, что разгадка тайны Лаперуза находилась всего лишь в четырех-пяти днях пути от тех мест, где пролегал его маршрут!

Дюмон-Дюрвиль был не очень доволен результатами исследования южного берега Новой Британии. Непрерывный ливень, ветер, плохая видимость — все это сильно мешало. И, однако, определенные результаты были достигнуты: была нанесена общая конфигурация примерно стомильной береговой линии, до этого весьма условно нанесенной на карту, более точно определено положение нескольких островов и, главное, достигнута уверенность в том, что следующие экспедиции, если только погода окажется благоприятной, несомненно сумеют в продолжение начатых работ дополнить полученные результаты.

Северные берега Новой Гвинеи. Молуккские острова. Вот остров Амбоин. Отсюда Дюмон-Дюрвиль посылает морскому министру подробный рапорт обо всем сделанном экспедицией с момента выхода из Порты-Джэксона и вплоть до прибытия на остров, а также копии большого числа изготовленных моряками «Астролябии» карт.

Воспользовавшись длительной стоянкой, Дюмон-Дюрвиль отдает распоряжение пополнить съестные припасы. Свежее мясо вместо надоевшей солонины, много фруктов. Набирается сил, отдыхает команда.

«Я рассчитываю, — писал он в письме морскому министру, — покинув Амбоин, отправиться в Тасманию, посетить столицу Тасмании — Хобарт-Таун; со времен д'Антраксто ни один французский корабль не входил в его гавань. Затем я отправлюсь к берегам Новой Зеландии с тем, чтобы исследовать ее западное побережье, так же, как мы исследовали ее восточное. Оттуда мы направимся в Торресов пролив и возвратимся во Францию».

Но его планы были неожиданно нарушены.

В сентябре 1813 года английское судно «Хантер», шедшее из Калькутты и побывавшее в Новой Голландии, прибыло на Фиджи. Здесь, как рассказывал впоследствии один

из офицеров этого судна, Питер Диллон, выяснилось, что на островах обитает несколько европейцев. Некоторые из них попали на Фиджи в результате кораблекрушения, другие были дезертирами, а были и такие, которых высадили за те или иные проступки с судов, побывавших тут до «Хантера».

Случилось так, что между жителями городка Вилен на побережье Сандал-Вуд вспыхнула ссора. В последовавших за этим беспорядках почти все эти европейские моряки были убиты, за исключением двух человек — Мартина Бухерта родом из Штетина и англичанина Вильяма Вильсона. Бухерт и матрос-индеец по имени Чулия, который тоже жил на этом острове, нашли себе прибежище на борту «Хантера». Опасаясь расправы, они обратились к капитану «Хантера» с просьбой, чтобы он высадил их — судно должно было дальше идти в Кантон — на первом попавшемся клочке земли. Капитан Робсон согласился.

Судно покинуло Фиджи двенадцатого сентября, а двадцатого подошло к острову Тукопия или Тикопиа. Бухерт и матрос-индеец вместе со своей женой, которую он вез с Фиджи, были, как они и просили, высажены, и корабль продолжил свой путь.

Прошло тринадцать лет. Тринадцатого мая 1826 года парусник «Св. Патрик» под командованием теперь уже капитана Диллона по пути из Вальпараисо в Пондешири оказался вблизи Тукопии. Движимый естественным любопытством, Диллон решил зайти в гавань, с тем чтобы узнать, какова судьба оставленных здесь Бухерта и Чулии.

Едва только корабль бросил якорь, как к судну подошла лодка, в которой, улыбаясь, сидел Мартин Бухерт.

И он, и Чулия рассказали Диллону, что местные жители встретили их радушно, что они чувствуют себя здесь спокойно и живут хорошо и что с тех пор, как они высадились на этом острове, к нему подходили только два английских китобойных судна, оба примерно год назад.

Чулия привез немного фруктов, поросенка. И покрытый ржавчиной серебряный эфес шпаги, который он отдал матросам в обмен на пригоршню рыболовных крючков.

Вот с этого эфеса, собственно, все и началось.

«Откуда у вас взялась эта рукоятка?» — спрашивает Диллон. «Она уже давно у Чулии, — отвечает Бухерт. — Я видел ее у здешних аборигенов еще тогда, когда только попал на остров. У них немало всякого другого добра: не-

сколько железных шипов и стержней, европейской работы топоры, черенок серебряной вилки, ножи, чашки».

«Но откуда все это? Что, здесь какое-нибудь судно затонуло?!» — восклицает Диллон. «Не здесь, — отвечает Бухерт. — Местные жители утверждают, что примерно в двух днях пути, если плыть на пироге, с подветренной стороны лежит группа островков. Все эти предметы оттуда».

Диллон принимается внимательнее рассматривать рукоятку шпаги. Вот какая-то полустершаяся буква или, быть может, ему только кажется? Нет, явно французская буква! Неужели шпага Лаперуза?

Он едет на берег и начинает расспрашивать островитян. Они почти дословно повторяют рассказ Бухерта: и эфес, и другие предметы они выменяли у соседей.

«А те откуда их взяли?» — «О, это давнее дело, — говорят Диллону. — Много лет назад, когда нынешние старики с соседнего острова были мальчишками, на острове разразилась небывалая буря. Казалось, злые духи собрались погубить остров: ветер повалил чуть ли не все деревья, гигантские волны заливали берега, от потоков дождя не было спасения даже в хижинах. В ту ночь никто не спал, а когда взошло солнце, жители увидели неподалеку от берега большой корабль: его мачты чуть не наполовину ушли под воду. Невдалеке потерпел крушение еще один корабль. Многие моряки погибли. Те, кому удалось доплыть до берега, выстроили в лесу несколько хижин, обнесли их изгородью. Потом они принялись мастерить новый корабль, но гораздо меньших размеров, чем тот, на котором они прибыли. Они иногда смотрели на море через какую-то блестящую трубку, и у них были ружья. Когда корабль был готов, они ушли в море, оставив на острове двух человек. Их вождь сказал, что они скоро вернуться. Но их никто никогда больше не видел. Оба моряка скончались, один — всего три года назад. Он все ходил к морю, смотрел — не покажется ли парус? Но за все время лишь один раз на горизонте показались силуэты каких-то двух больших кораблей. Это тоже было давно, вскоре после того, как был построен маленький корабль».

«Как же называется тот остров?» — спрашивает Диллон.

«Ваникоро, — говорят ему. — Тамошние жители называют его Ваникоро. Это всего лишь в двух днях пути отсюда».

Диллон берет с собой в качестве проводника Бухерта. Два дня пути — и все станет ясно. Неужели он действительно напал на след таинственно исчезнувшей экспедиции?

«Св. Патрик» на всех парусах мчится к Ваникоро. Вот уже виден берег, еще немного — и можно будет поговорить с местными жителями. Но переменчивый ветер гонит корабль от острова, пенятся буруны около коралловых рифов, которые, как частокол, охраняют подступы к бухте. Потом наступает полнейший штиль. Он длится целую неделю, и на корабле начинает ощущаться недостаток продовольствия: в последний раз запасы пополнялись еще на Новой Зеландии. К тому же в трюме появляется вода. И хотя течь удастся заделать, ничего хорошего это не предвещает. В довершение всего человек, которому принадлежат орехи и прочий груз на «Св. Патрике», категорически возражает против каких-либо задержек: груз может испортиться, и вообще совершенно непонятно, почему капитан отклонился от курса.

Так и не зайдя на Ваникоро, Диллон продолжает свой путь и в сентябре 1826 года прибывает в Калькутту.

«Астролябия» Дюмон-Дюрвиля в сентябре 1826 года еще только в Атлантике. Погода хорошая. Ветер благоприятный. Но до Тикопиа и Ваникоро по меньшей мере двадцать тысяч миль.

Все тот же сентябрь 1826 года. Калькутта. Двое мужчин сидят в высоком прохладном кабинете. Эти двое склонились над картой: лорд Комбернер, вице-губернатор Бенгалии, и капитан дальнего плавания Диллон. «Я читал, — говорит капитану Комбернер, — рапорт, который вы подали по возвращении в Калькутту на имя компании и Азиатского общества. И видел те предметы, которые вы привезли из Тикопиа. Мне кажется, что ваши соображения заслуживают внимания. Компания предоставляет в ваше распоряжение судно. Мне остается пожелать вам доброго пути. Надеюсь, что вы не будете иметь ничего против, если с вами поедет здешний французский консул, мосье Шеньо. Возьмите с собой и врача Титлера. Он известный натуралист, и мне бы хотелось, чтобы он привез детальное описание острова. Ну как, договорились?»

Двадцать третьего января 1827 года корабль Диллона «Поиск» выходит из калькуттской гавани.

В январе 1827 года «Астролябия» подошла к Новой Зеландии и принялась обследовать, продвигаясь с юга на север, береговую линию этого острова. Четыре месяца спустя Дюмон-Дюрвиль посетит архипелаг Тонго. В одном из своих писем морскому министру, рассказывая об итогах плавания в этом районе, он напишет: «...должен Вам сообщить, что мне удалось узнать об интересном факте: я почти полностью уверен, что корабли нашего несчастного Лаперуза заходили в Анамуко, это один из островов Хапайи, расположенный примерно в двадцати милях к северу от Тонго-Табу. И даже оставались здесь довольно долго. Об этом мне рассказали здешняя королева и ее брат».

Натуралист Титлер был человеком своенравным. К тому же он постоянно вмешивался во все, что творилось на корабле. Обстановка на «Поиске» накалялась, да и у капитана Диллона характер тоже был не сахар. Едва только судно приходит в Хобарт-Таун, как Титлер обращается в суд с жалобой на капитана: грубит, не сдержан в обращении с командой. Диллона признают виновным и приговаривают к двум месяцам тюрьмы. Он должен уплатить пятьдесят фунтов стерлингов штрафа и внести четыреста фунтов стерлингов в качестве гарантии, что будет пристойно вести себя в будущем.

Но кто же поведет корабль к Ваникоро?

В конце концов принимается соломоново решение: суд обязывает Диллона уплатить штраф и выплатить гарантийные деньги. Но от тюрьмы его освобождают. Впрочем, одновременно освобождают и от присутствия Титлера: в противном случае, заявляет Диллон, он не поведет корабль.

Можно продолжать путь. Но прежде чем покинуть Хобарт-Таун, Диллон просит, чтобы местные власти поставили в известность о его путешествии Дюмон-Дюрвиля: до английского капитана дошли слухи о том, что на французский корабль «Ракушка», ныне переименованный в «Астролябию», была возложена миссия разыскать следы Лаперуза.

В письме, оставленном на имя капитана французского фрегата, Диллон коротко рассказывает о своем открытии и назначает Дюмон-Дюрвилю свидание на Тикопиа, где надеется пробыть некоторое время.

Идет июль 1827 года. Дюмон-Дюрвиль — возле берегов Новой Ирландии.

Прежде чем отправиться на Тикопиа, Диллон заходит в Порт-Джэксон: он хочет опротестовать решение суда в Хобарте. Двадцать четвертого июля «Поиск» покидает Порт-Джэксон. Курс — на Новую Зеландию. Оттуда он направляется в Тонго-Табу.

В письме от пятнадцатого августа он пишет: «Едва только я бросил якорь на рейде в Тонго-Табу, как на корабль пришли некий француз, дезертировавший с «Астролябии» (судно было здесь, на островах Дружбы, в апреле 1827 года. — А. В.), и англичанин, матрос с тридцатидвухпушечного корабля, который потерпел крушение возле одного из здешних островов в декабре 1806 года.

Француз сообщил мне, что «Астролябия» Дюмон-Дюрвиля покинула Тонго в середине июня и отправилась к островам Фиджи. Когда «Астролябия» входила в порт Тонго-Табу, ветер и волны бросили ее на скалы, и она оставалась в серьезной опасности на протяжении восьми дней, потеряла свой ложный киль, два якоря и цепи. Из тяжелой ситуации ей позволил выбраться необыкновенной силы прилив, и только тогда она сумела войти в порт, где и оставалась в течение месяца».

Двадцать шестого августа Диллон покидает Тонго-Табу. Первого сентября он подошел к острову Ротума. Здесь он оставил еще одно письмо для Дюмон-Дюрвиля.

Пятого сентября «Поиск» подошел к Тикопиа.

Вперед, вперед, к Ваникоро!

Семнадцатого сентября 1827 года «Поиск» бросает якорь на этом острове.

За тридцать четыре года до этого, девятнадцатого мая 1793 года, в шесть часов утра на пути к островам Санта-Крус справа по борту с кораблей французского контр-адмирала д'Антраксто «Поиск» и «Надежда», посланных на розыски экспедиции Лаперуза и восемнадцать месяцев подряд круживших в южных широтах, придерживаясь предполагаемого маршрута экспедиции, замечают маленький остров. Этот остров, запишет в своем дневнике французский контр-адмирал, расположен чуть западнее открытых Картеретом островов на тридцать втором градусе южной широты. В вахтенном журнале было добавлено: «Примерные его координаты: около одиннадцати градусов сорока минут южной широты и ста шестидесяти четырех градусов двадцати минут восточной долготы».

Море было бурным, ветер — неблагоприятным, обстановка на кораблях — неблагоприятной, сам д'Антраксто болен. Корабли прошли мимо острова. Но в честь одного из своих кораблей адмирал назвал его «Поиск».

Какая ирония судьбы! Подойди он к острову, он мог бы прекратить свои поиски, потому что Поиск д'Антраксто — это и был остров Ваникоро.

...И еще. В 1823 году «Ракушка» («Астролябия»), первым помощником капитана которой, Дюперея, был капитан-лейтенант Дюмон-Дюрвиль, прошла всего лишь в пяти милях от Ваникоро!

Диллон проводит около месяца на Ваникоро. Ему удастся разыскать много различных предметов: кусочек глобуса с полустершейся сеткой широт, отдельные детали астрономических приборов, нагели, шипы, обломки цепей, топоры, ядра, куски медной обшивки корабля, маленькую бронзовую пушку, корабельный колокол с надписью «меня сделал Базен» — маркой литейной мастерской брестского арсенала в 1785 году, кусок шомпола, подсвечники, молотки, кусочки фарфора, бутылки и даже часть деревянной скульптуры с гербом Франции.

Сомнений нет. Возле Ваникоро потерпели крушение французские корабли, и, судя по всему, это — корабли Лаперуза. Но где же именно они затонули? Может быть, удастся разыскать остатки фрегатов — вода здесь, когда море спокойное, прозрачная, и видно дно. Местные жители отвечают, что они не знают. Диллон пытается их уговорить, подкупить — тщетно. Потеряв терпение, он нагружает свой корабль всеми найденными реликвиями и отплывает в Калькутту. Там ему поручают отвезти их в Лондон.

Двадцатое декабря 1827 года. Медленно подгоняемая приливом и легким попутным ветром, поднимается по реке Деруэнт, чтобы стать на якорь в Хобарт-Тауне, «Астролябия». Наконец-то свежие газеты, письма. На корабль прибывают гости. Одно из должностных лиц столицы Тасмании передает Дюмон-Дюрвилю небольшой пакет.

Так происходит заочное знакомство Дюмон-Дюрвиля и Диллона.

Честно говоря, в Хобарт-Тауне не очень четко представляют себе, где, собственно, сейчас находится удивительный мистер Диллон и удалось ли ему добиться успеха. Да

и вообще репутация его несколько подмочена после того, как он в начале года предстал тут перед судом. Вспоминают и другое: он упоминал в разговорах Тикопиа и Ваникоро, но не уточнял их месторасположение. А где их искать — никто толком не знает. Что поделаешь — таковы были знания той эпохи. К тому же нередко тот или иной остров каждый из «первооткрывателей» нарекал на свой лад.

Все же, поразмыслив, Дюмон-Дюрвиль приходит к выводу: Тикопиа — это упоминаемый на старых английских картах остров Баруэл. Третьего января 1828 года (к тому времени в Тасманию прибыли два содержащих прямо противоположные сведения письма Диллона — в одном утверждалось, что муссон мешает ему осуществить свой план, в другом он сообщал, что все превосходно удалось) «Астролябия» снимается с якоря. Десятого февраля она входит в одну из бухт Баруэла-Тикопиа.

И так же, как два года тому назад, когда к Тикопиа подошло судно Диллона, к борту «Астролябии» первой появляется пирога, в которой восседает Бухерт. И все тайное становится для Дюмон-Дюрвиля явным.

Сначала Бухерт было согласился сопровождать Дюмон-Дюрвиля к Ваникоро, но потом отказался. Отказался и Чулия, так же как и Бухерт, ссылаясь на то, что в Ваникоро плохой воздух и что там-де от лихорадки гибнут все пришельцы.

Сопровождать Дюмон-Дюрвиля согласились два английских матроса, сбежавшие с китобойных судов. Один из этих англичан успел неплохо овладеть диалектом, распространенным на здешних островах.

Расспросив как следует островитян на Тикопиа о примерном маршруте, Дюмон-Дюрвиль отдал приказ сняться с якоря, и на следующий день к вечеру на «Астролябии» увидели вершину горы на одном из островов Ваникоро. Впрочем, строго говоря, Ваникоро — не остров, а целая группа маленьких островков, окруженных коралловым поясом рифов.

Одиннадцатого февраля 1828 года французские моряки вступают на берег, возле которого, теперь это очевидно, потерпели кораблекрушение корабли Лаперуза.

Дюмон-Дюрвиль видит плодородные земли, превосходную растительность, напоминающую растительность Новой Ирландии или Новой Гвинеи, он видит островитян с

вьющимися волосами, с темной кожей. Энтомолог-профессионал, он замечает, что некоторые бабочки почти точь-в-точь такие же, как на Молукках, и что птиц мало и они боятся людей.

Он посылает корабельную шлюпку вокруг большого острова и дает задание разузнать, где и как произошло кораблекрушение. Но островитяне не хотят вступать ни в какие разговоры, относящиеся к этой теме, либо отвечают односложно.

Люди явно не хотят отвечать. Боятся? Но чего?

Они молчат, в лучшем случае рассказывая лишь то, что уже известно Дюмону: да, было кораблекрушение, да, часть моряков спаслась, почти все, за исключением двоих, уехали. Один корабль разбился перед селением Вану, другой затонул около Пайу. Прибывшие успели выгрузить с него много всякого добра. Их начальник был одет так же, как и вы. Вот и все.

Они действительно боятся: ведь многие участники экспедиции Лаперуза погибли от стрел их соплеменников. И островитяне опасаются мести со стороны белых моряков.

И все же Дюмон-Дюрвилю удастся их уговорить. Сыграло, очевидно, свою роль дружелюбное отношение экипажа «Астролябии» к местным жителям, подарки. Особенно понравились красные ткани.

Один из вождей садится в шлюпку «Астролябии», по его команде матросы подплывают к одному из многочисленных проходов между рифами. Море, на счастье спокойно. «Вот», — указывает рукой островитянин. И французские моряки видят на глубине нескольких метров покрытые водорослями, облепленные кораллами фантастические очертания якорей, пушек, ядер — все, что уцелело от свирепой ярости волн и не смогло быть унесено течениями в бескрайние просторы океана. Железо, медь, свинец. Дерево исчезло, как будто его никогда и не было. Расположение якорей свидетельствует о том, что четыре из них, вероятно, пошли ко дну вместе с кораблем, а два, очевидно, честно исполнили свой долг до конца, удерживая, как им и положено, корабль в заданном месте. Судя по рассказам островитян — а они, видя, что им не делают зла, начинают постепенно привыкать к присутствию французов, — это был именно тот корабль, экипаж которого или во всяком случае часть экипажа высадилась возле Пайу и потом по-

строила маленький корабль. Другой корабль потерпел крушение за внешним обводом рифов.

Моряки снимают головные уборы... Минута молчания.

Четырнадцатого марта 1828 года ружейный залп и пушечные выстрелы раскалывают утреннюю тишину на Ваникоро: Дюмон-Дюрвиль и его люди салютуют памятнику — сложенному из коралловых плит четырехугольнику с маленьким деревянным капителем и свинцовой дощечкой: «Памяти капитана Лаперуза и его товарищей». Но нужно еще поднять со дна найденные реликвии. С помощью местных жителей моряки достают якорь, пушку, бронзовый колокол, заржавевший мушкетон. Все это с одного корабля, насколько можно судить, с «Астролябии». А где же остатки «Буссоли»? Дюрвилю не удается их обнаружить: волны, песок и кораллы сделали, очевидно, свое дело. Отыскав на берегу еще некоторые реликвии, Дюмон-Дюрвиль покидает остров. Корабль держит курс на Францию.

А тем временем Питер Диллон уже в Париже. Привезенные им реликвии (британское правительство приняло решение передать их Франции) помещены в одном из залов Лувра.

И вот в зал входит невысокого роста плотный старик. Это Бартоломей Лессепс, генеральный консул Франции в Лиссабоне, единственный в ту пору живой участник экспедиции Лаперуза. Без малого год добирался он в свое время из Петропавловска-на-Камчатке через бескрайние русские просторы до Петербурга, где ему предстояла служба во французском посольстве, а потом привез в Париж переданный ему Лаперузом дневник и часть коллекции экспедиции. Сейчас он пристально смотрит на выставленные вещи. Он узнает их — и бронзовую пушку (на каждом корабле их было четыре, они стояли на заднем баке), и каменную мельницу: «это ваша самая лучшая находка — я помню даже того матроса, который ее конструировал», и многое, многое другое.

Двадцать девятого марта 1829 года, через тридцать пять месяцев, день в день, после того как Дюмон-Дюрвиль вышел из Тулона, «Астролябия» бросает якорь в Марселе.

Если Диллону удалось разыскать место гибели экспедиции прославленного французского адмирала (известие о том, что ему присвоено это звание, Лаперуз получил в Петропавловске-на-Камчатке, и французскому командиру

эскадры салютовали русские артиллеристы), то Дюмон-Дюрвиль сумел разыскать остатки одного из его кораблей и поднять со дна морского бесценные реликвии трагически погибшей экспедиции.

...Да, теперь можно не сомневаться — экспедиция Лаперуза погибла на юго-восточной оконечности островов Санта-Крус, возле острова Ваникоро. «Вероятно, — подытожит Дюмон-Дюрвиль, — идя из Новой Каледонии к островам Св. Креста, так, как ему и предписывали инструкции». И, как и предполагал Дюмон-Дюрвиль, адмиральский корабль «Буссоль» — это было доказано через сто тридцать шесть лет после открытия, сделанного французским моряком, в 1964 году, — погиб за внешней стеной рифов. Крушение произошло на месте ступенчатообразной расселины. Никто на борту не видел, да и не мог видеть подводный риф. Катастрофа произошла очень быстро. Первые предметы здесь были найдены на глубине двенадцати метров: якорь, а чуть далее пушки, остатки научных инструментов. Затем на глубине пятнадцать метров еще два якоря, а на глубине тридцать — тридцать пять метров — колокол и главная помпа.

Двадцать пять тысяч миль проделала экспедиция Дюмон-Дюрвиля. «Астролябия» определила в архипелагах Тонго и Фиджи положение по меньшей мере полутора ста островков, из которых многие были просто неизвестны в Европе до этого времени, обследовала и уточнила береговые линии самых южных островков, входящих в Новые Гебриды. Экспедиция подтвердила существование группы островов Лояли, провела гидрографические работы; прошла вдоль южных берегов Новой Британии, которые английский мореплаватель Дампир видел лишь издали; исследовала, пройдя с востока на запад, северные берега Новой Гвинеи — от пролива Дампира до залива Гельвинка, открыв при этом обширный залив Астролябии, залив Гумбольдта и положив на карту высокие горные цепи, которые тянутся параллельно побережью, — хребет Торричели и горы Эйри (сейчас горы Гевани).

И все три года, где бы ни находился корабль, на протяжении всего плавания велись тщательные наблюдения за температурой и давлением воздуха, за состоянием облачности и прозрачностью атмосферы, за количеством осадков, направлением и силой ветра; метеорология была в почете на «Астролябии», и не только метеорология.

Еще во время своего совместного с Дюпереем плавания Дюмон-Дюрвиль провел ряд ценных океанографических наблюдений, значительно дополнив известные до этого материалы по земному магнетизму и морским течениям.

Соответствующие наблюдения весьма основательно велись и во время путешествия на «Астролябии». Описание океанических и морских бассейнов приобрело уже всем понятное значение, и в дальних морских экспедициях все большее внимание уделялось физической и химической характеристикам вод, течений, приливов, волнений. Океанология была во многом еще в начале своего пути, но она добилась уже существенных успехов, и о судовых измерениях в океанских просторах делали, как и в наши дни, доклады в академиях наук.

Шестьдесят пять карт привез с собой во Францию Дюмон-Дюрвиль, много рисунков — на них были запечатлены и ландшафты, и поселения, много планов, а также портреты островитян, одежду, утварь, оружие. И великолепный гербарий — около семи тысяч растений, более десяти тысяч видов насекомых; минералогические коллекции.

Теперь надо было писать отчеты, писать воспоминания, приводить в порядок дневники, коллекции. Дюмон-Дюрвиль и займется этим в ближайшие годы.

Не так-то просто было обработать огромные материалы, собранные экспедицией, да и спешить-то, собственно, тоже было ни к чему: слишком многое следовало и восстановить, и продумать. Дюмон-Дюрвиль превосходно отдает себе отчет в значительности проделанной работы. И потом он — исследователь, исследователь широкого профиля. И все то, о чем он пишет, в сфере его собственных научных интересов.

...Вот оно передо мной, это издание. Оно называется «Путешествие на «Астролябии»» и состоит из четырнадцати томов, по 500—600 страниц каждый. Вот том, посвященный метеорологии, магнетизму, температуре моря. Его отредактировал академик Араго. А этот том посвящен ботанике. Пять томов посвящены зоологии. Том энтомологии — его написал Дюмон-Дюрвиль. Атлас, состоящий из пятидесяти трех карт и планов.

Пять томов посвящены описанию самого путешествия. Они в основном написаны Дюмон-Дюрвилем. Но он предоставляет слово и другим участникам экспедиции, приводя в приложении обширные выдержки из их дневников и

записей: свидетельства очевидцев, повествующих зачастую об одних и тех же событиях.

Вы можете сравнить, вы можете уточнить, наконец, свидетельства эти просто дополняют одно другое. Очень удобно! И убедительно. И в каждом томе множество зарисовок: тысяча двести шестьдесят шесть рисунков относятся к одним лишь этнографическим описаниям.

А как сделаны эти описания! Как вдумчиво, информативно, обстоятельно все написано, какая бездна важных, интересных сведений. Вот второй том. Триста двадцать с лишним страниц в нем посвящены Новой Зеландии. Целая монография! Здесь и история открытия европейцами этого острова, и его собственная история, и детальные географические описания, и большущая глава, посвященная жителям острова — их облику, характеру, способностям, их этике, морали, политическому и общественному устройству, их образу жизни: жилищам, пище, домам, украшениям, одежде, состоянию земледелия, рыбной ловле, судам, оружию, музыке, танцам, религии, церемониям, обрядам, языкам, всего и не перечислишь. И уж конечно, отдельные главы посвящены животному и растительному миру и миру минералов.

Множество сведений, не потерявших своего значения и в наше время, авторитетных и нужных сведений о прошлом — бесценные свидетельства незаурядного естествоиспытателя и этнографа. И несомненно крупного географа.

«Мне всегда казалось, что это должен быть искренний и серьезный рассказ о всех приключившихся с нами делах, рассказ о всех наших наблюдениях и собранных нами в интересах науки фактах», — пишет Дюмон-Дюрвиль. И добавляет: «Труды наших предшественников почти не оставили нам места для великих открытий. Но успехи цивилизации и прогресса в самых отдаленных уголках нашего земного шара приведут — я в этом уверен — лет через сто или двести к тому, что наши работы получат высокое значение и внуки наши будут с таким же интересом читать о наших усилиях, как и мы читали о трудах и усилиях первопроходцев Земли».

В сроках он, может быть, немного ошибся: его путешествия и открытия давно уже стали классическими. Что же касается всего остального — все верно.

...Пятого января 1832 года. Заседание Парижского географического общества. Основной докладчик — Дюмон-

Дюрвиль. Сообщение его посвящено общим проблемам Океании — географии, истории, происхождению местных народов. Мало кто в Европе может сравниться с ним по знанию всех этих вопросов.

...Он говорит не торопясь, иногда подходит к большой карте Океании с указкой в руке, словно школьный учитель, и, хотя доклад длится долго, Дюмон-Дюрвиля слушают с большим вниманием. Нет, он вовсе не хочет кому-либо навязывать свои убеждения. Но они — плод десятилетних исследований и наблюдений, сделанных в подавляющем большинстве случаев непосредственно на месте. Время и факты, которые соберут другие ученые, покажут, насколько соответствует истине предлагаемая им точка зрения. А она вкратце такова. Среди множества разнообразных племен и народов, населяющих Океанию, следует выделить две основные ветви, которые настолько резко отличаются друг от друга по своему физическому облику, психическому складу и прочему, что их можно считать принадлежащими к различным расам. Представители одной из них — люди среднего роста, с кожей светло-желтого оттенка, с гладкими темно-каштановыми или черными волосами. Другая раса состоит из людей с черной кожей и шерстистыми мелко вьющимися волосами. Люди, принадлежащие к негроидной расе, — это, по мнению Дюмон-Дюрвиля, изначальные насельники Океании. Люди со светлой кожей — пришельцы с востока, постепенно расселившиеся по островам Океании. К этому следует добавить, что люди, относящиеся к первой расе, в свою очередь явно подразделяются на две различные группы. К первой относятся племена, населяющие расположенные в восточной части Тихого океана острова — от Гавайев до Новой Зеландии и от островов Тонга до острова Пасхи, и они принадлежат, насколько можно судить, одному корню. Это как бы одна семья, расположившаяся на множестве отстоящих на больших расстояниях друг от друга островов. Они схожи по физическому облику и великолепно понимают друг друга. Ко второй группе следует отнести население обширной цепи маленьких островов, получивших наименование группы островов Кингзилла, островов Гилберта, Маршалльских, Каролинских, Марианских — до островов Пехью включительно. От своих восточных собратьев они отличаются несколько более темным оттенком кожи и удлинненными лицами; фигуры у них более стройные.

Что же касается самой Океании, то, по мнению Дюмон-

Дюрвиля, ее следует по этнографическим признакам подразделить на четыре обширные области. Первая — это восточная Океания, Полинезия, область расселения первой группы людей с желтовато-светлой кожей. Вторая — Микронезия — острова, населенные представителями второй группы той же расы. Третья область — Малайзия, западная часть Океании — все острова, известные тогда как Ост-Индские. И наконец, четвертая область — Южная Океания, Меланезия — большой остров Новая Голландия и все острова — до границ Микронезии и Полинезии. Здесь проживают представители черной расы.

«Мне думается, — подчеркивает Дюмон-Дюрвиль, — что среди множества разновидностей меланезийской расы на первое место следует поставить обитателей островов Вити. У них существуют законы, ремесла, их язык богаче, чем у жителей, населяющих западные берега, а в ловкости и мастерстве в навигации они ничуть не уступают людям другой расы». «Не исключено, впрочем, — добавляет он, — что здесь отразились их обширные связи с полинезийской расой».

Он подробно рассказывает о жителях каждой из областей: их обычаях, нравах, о волнах переселенцев, о языках и языковых семьях, о материальной культуре аборигенов и о многом, многом другом, в том числе, конечно, и о гипотезах заселения Полинезии, Меланезии, Микронезии. Все сказанное он изложит впоследствии в своей книге.

Конечно, не все выводы Дюмон-Дюрвиля оказались бесспорными, тем более что речь шла о проблемах и ныне вызывающих различные суждения исследователей. Проблемы происхождения народов Океании, заселения океанических островов, проблемы появления аборигенов в Полинезии, Меланезии, в Австралии, Тасмании, Новой Зеландии в последние годы были предметом многих, подчас весьма острых дискуссий, и до окончательных выводов, пожалуй, еще далеко! Но предложенная им схема подразделения Океании по этнографическим признакам на четыре обширные области имеет своих сторонников и до сих пор, хотя принято ныне подразделять Океанию на три области: на Меланезию (западные и крупнейшие о-ва), Микронезию (мелкие о-ва к северу от Меланезии), Полинезию (все остальные о-ва). И, как и предполагал Дюмон-Дюрвиль, негроидные группы протомеланезийцев населяли Океанию издавна.

Май 1835 года. Ровно в срок, предусмотренный договорами, Дюмон-Дюрвиль закончил написание своей много-томной работы. Как и полагается в таких случаях, он отправляет рапорт морскому министру.

Следует предписание: капитану Дюмон-Дюрвилю отправиться в порт приписки и приступить к продолжению службы.

Порт приписки — Тулон. Но в городе эпидемия холеры. И не успевает Дюмон-Дюрвиль туда приехать, как заболевает его дочь. Проходит несколько дней, и безжалостная смерть уносит девочку. Ей было всего пять лет.

..Это уже второй ребенок Дюмон-Дюрвиля, умерший в детстве. Первым был сын, скончавшийся в 1824 году, восьми лет от роду.

Восемнадцать месяцев подряд Дюмон-Дюрвиль терпеливо и безропотно исполняет все то, что положено капитану корабля, стоящего на якоре в порту. Он делает это, как впоследствии не без иронии заметит сам, совершенно пунктуально и в точном соответствии с уставом, как и положено человеку, одетому в форму, где бы он ни находился.

Свободное от службы время он посвящает воспитанию единственного оставшегося у него в живых сына. И занятиям: этнографии Океании, филологии. Иногда Дюмон-Дюрвиль позволяет себе прочесть два-три новых романа. Особенно он увлекался детективами.

Но размеренная и в общем, как считал сам Дюмон-Дюрвиль, однообразная жизнь продолжалась недолго.

Недолго потому, что, во-первых, все чаще он ощущал настоятельную необходимость подкрепить те или иные свои теоретические рассуждения соответствующими данными, а для этого надо было бы вновь отправиться в просторы Океании. Во-вторых, хотя он и называл себя домоседом, хотя и нахваливал свой спокойный образ жизни, но спокойное это существование было явно не по нему. Он справедливо полагал, что еще в силах и обладает необходимой энергией для того, чтобы плавать так же успешно, как и раньше. И продолжать успешно начатые работы.

Эти тихоокеанские дали влекли человека, ни на что не похожий сказочный мир удивительных островов крепко держал его (он сам упомянул об этом в одном из своих дневников) в радостном плену.

Были и другие заботы. О них Дюмон-Дюрвиль откровенно скажет в одном из своих писем 1839 года: «Народился сын взамен покинувшей наш мир дочери, и мне представилось, что я должен пожертвовать своим отдыхом (он называл службу во Франции отдыхом!) для того, чтобы обеспечить будущее моим детям».

В январе 1837 года он пишет письмо морскому министру: капитан Дюмон-Дюрвиль готов совершить свое третье научно-исследовательское кругосветное путешествие. Проект прилагается.

Это был серьезный и вдумчивый проект опытного и знающего моряка, но одновременно и пытливого исследователя и ученого-практика, хорошо представляющего себе, что именно он собирается сделать. Его интересует и история заселения Океании, ее животный и растительный мир, и вопросы океанографии, — в какой-то степени привычный уже круг проблем.

Особое внимание Дюмон-Дюрвиль собирает, как впрочем и всегда, уделить корректировке карт, исправлению координат, а также изучению земного магнетизма.

Ответ приходит в конце февраля. Он собственноручно написан министром. Его величество король, которому был передан проект, отнесся к нему благосклонно. Но поскольку королю стало известно, что некий американский капитан Китолов якобы весьма близко подошел на своем корабле к Южному полюсу, то он выразил пожелание, чтобы в том же направлении была на двух кораблях отправлена и французская экспедиция.

Возглавить эскадру предлагается Дюмон-Дюрвилю.

Человек импульсивный и искренний, Дюмон-Дюрвиль запишет в своем дневнике: «Должен признаться, что, прочитав это предложение, я буквально остолбенел. Какое-то время я находился в нерешительности, тысячи мыслей пронеслись в моей голове, и среди них была и такая: а не следует ли отказаться от предложенной мне чести? В самом деле, открывавшаяся передо мной карьера не соответствовала ни моим вкусам, ни моим занятиям. К тому же могло случиться и так, что из-за аварии или по какой-нибудь иной причине я был бы вынужден возвратиться во Францию и, следовательно, отказаться от тех научных изысканий, которыми я собирался заняться в малоисследованных архипелагах Океании».

И все-таки он согласился. Согласился, потому что был смелым человеком. Потому что был исследователем по натуре. Потому что, как шутливо заметит он сам, наши достоинства суть продолжения наших недостатков. Под недостатком в данном случае разумелась страсть к неизведанным землям.

Он понимал: речь идет об интереснейшей и значительнейшей проблеме. Проблеме, имеющей самое непосредственное отношение к ряду сложных и во многом нерешенных еще вопросов географического изучения Земли.

Напомним коротко. Идея о существовании в южных широтах значительной массы суши возникла давно. Ее можно найти еще у античных географов — независимо от того, считали ли они, как сторонники Птолемея, что земная суша представляет собой единый материк, или же, как сторонники Страбона, что в южном полушарии, несомненно, должен существовать — для равновесия — большой массив суши, обширная Южная Земля, Южный континент. основополагающие открытия в области географии Земли, происшедшие в конце XV — начале XVI в., и в частности открытие Нового Света, привели к возрождению старых представлений. «Континентальная» теория Птолемея была, правда, опровергнута, но — мы об этом только что упоминали — «теория Мирового океана» Эратосфена, Посидония и Страбона тоже признавала наличие Южного континента.

Это была, так сказать, общая посылка. А вот где конкретно находится этот континент, каковы его размеры, конфигурация, конечно, никто толком не знал.

Принимали за оконечность неизвестного Южного континента — Terra Australis incognita — Огненную Землю; выдвигали гипотезу, что таковой следует считать Новую Гвинею (не знали еще тогда, что Новая Гвинея — остров). Писали, что «недалеко от островов, нареченных Соломоновыми, есть большая суша, весьма возможно, что она спускается к югу до Магелланова пролива». Верили, как, скажем, Кирос, что открытая им во время плавания в 1606 году в архипелаге Санта-Крус земля Св. Духа — это и есть та неведомая Южная Земля, которая, как он думал,

простирается от Новой Гвинеи до самого Южного полюса.

Земли в том виде, в каком ее представляли себе многие путешественники и картографы того времени, не было. Во всяком случае такой, о какой, например, писал Лансело Вуазен, чей трактат «Три света» вышел в 1582 году во Франции. «Беря в расчет примерную величину этой суши и место ее расположения, следует признать, что там должно быть не меньше чудесных вещей, нежели в известных уже нам мирах. Тот, кто сумеет открыть эту землю, сравняется в славе с Колумбом и Магелланом».

К славе стремились многие. И не удивительно. Писал же в 1569 году в примечании к своей карте знаменитый картограф Меркатор, чей авторитет был достаточно высок, что существуют три континентальные массы: Старый Свет, известный еще древним, Новая Индия, то есть Америка, и Южный континент. Ему вторили другие географы, например, автор опубликованной в Венеции «Географии» Ливио Сануто.

Впрочем, будем справедливы. Южной Земли нет в «Космографии» Олиана, вышедшей в свет в 1540 году. Нет и на картах Баттисты Анъезе. Ее не пометил и Себастьян Кабот, знаменитый навигатор, на своей карте, относящейся к 1544 году. Правда, быть может, потому, что он отмечал только то, что было твердо известно.

Ну а с другой стороны, разве земля, открытая Колумбом, разве пролив, открытый Магелланом, были помечены на картах?

За выступ Южного материка принимают (до тех пор пока Абель Тасман в 1642 году своим плаванием не опроверг этого мнения) Новую Голландию, а позднее и Новую Зеландию. Все дальше на юг отодвигались границы Южного материка, но сама идея продолжала существовать. Продолжались и поиски загадочного континента.

В 1738 году французская Ост-Индская компания снаряжает в поисках так называемой Земли Гонневиль экспедицию Жана-Батиста Буве де Лозье. Эту землю (сообщение о ней было напечатано в 1663 году) якобы в 1503 году открыл отправившийся по следам Васко да Гамы французский капитан Гонневиль на юге Атлантического океана.

Как сейчас считает большинство историков географии, Гонневиль, очевидно, попал (если вся история с его открытием не была выдуманна!) куда-то на побережье Южной Америки, возможно, в Бразилию.

Буве де Лозье спускается на юг вдоль побережья Бразилии, все дальше на юг, только на юг. Первого января 1739 года на 54-м градусе южной широты он видит снежную вершину горы. «Это — самый северный мыс континента!» — восклицает Буве. Он называет найденную землю мысом Сирконсисьон.

Земля камениста, гориста, и горы эти покрыты снегом, напишет он в своем донесении. И на подступах к ней море усеяно льдом.

Только сто пятьдесят лет спустя будет установлено, что он открыл всего-навсего небольшой остров. А искали этот остров так долго потому, что местоположение его было определено Буве неправильно!

...Terra Australis incognita — неведомая Южная Земля. Но, наверное, правильно было бы сказать — и неуловимая.

«Я называю Южной Землей все то, что лежит за пределами южной оконечности Африки, Азии и Америки, т. е. за пределами мыса Доброй Надежды, Молуккских островов, Целебеса и Магелланова пролива, и земля эта протяженностью от 8 до 14 млн. кв. миль занимает, очевидно, не менее трети нашей планеты. Ибо невозможно, чтобы на огромном пространстве к югу от Азии не было значительного массива суши, способного придать равновесие нашей планете во время ее вращения».

Это слова известного французского ученого-просветителя Шарля де Бросса, жившего в XVIII веке.

Но почти то же самое сказано и в другом документе: «Весьма похоже, что к югу от островов Св. Павла и Амстердам находится гигантский континент, куда никто еще не проникал. Капитану предписывается познакомиться с обитателями этого континента. Он должен также завязать с ними дружественные отношения. Капитан обратит внимание на то, что производится в этой стране, — на сельскохозяйственные культуры, на ее мануфактурное производство и на то, какую выгоду может тут получить французская торговля».

Это из инструкций морского министерства Франции капитану Жозефу де Кергелен Тре-Марек. На двух судах — «Фортуна» и «Толстое брюхо» — он отправляется в 1771 году на юг. Двенадцатого февраля моряки увидели множество низко летящих птиц. Земля близка, думает Кергелен, и в самом деле, корабль приближается к темной массе суши. Это небольшой островок. Но назавтра, «в семь часов утра,

когда солнце рассеяло туман, — занесет он в свой дневник, — и осветило горизонт, я явственно различил вдали цепочку протянувшихся с севера на восток земель».

Победа? Трудно сказать. Поднимается туман, усиливается течение. Когда на следующее утро туман исчез, на «Фортуне» не видят «Толстого брюха». Судьба судна так и осталась неизвестной.

Кергелен возвращается во Францию. Вскоре ему поручают организовать новую экспедицию: опять на двух кораблях, на сей раз на «Ролланде» и «Птичке». Пятого января 1744 года он бросает якорь у берега найденной им в первое путешествие земли. Исследования показывают: увы, это вовсе не континент, это просто очередной архипелаг. За обман при описании результатов первой экспедиции, за гибель 35 человек экипажа его отдают под суд и приговаривают к заключению в замке Сомюр.

...Когда в 1785 году Лаперуз отправится в свое кругосветное путешествие, в его инструкциях о Южной Земле не будет сказано ни слова. К тому времени вопрос о ней окажется снятым с повестки дня: всем ведь известно, что этого континента не существует.

Откуда же взялась такая резкая перемена во взглядах? Ведь еще в 1766 году предшественнику Лаперуза (французскому капитану, позднее адмиралу), Бугенвилю, отправлявшемуся в кругосветное плавание — это было первое французское кругосветное плавание, — предписывалось заняться в Тихом океане также и поисками Южного материка. И еще в 1772 году искал землю французский капитан Марион Дюфрен. Он даже назвал открытые им два острова на юге Индийского океана, приняв их вначале за часть великого Южного континента, Терр д'Эсперанс, Землей Надежды.

Надежды погасили плавание Джеймса Кука, в особенности второе (1772—1775) и третье (1776—1778) его плавание. Подводя итоги второго путешествия (а еще в августе 1773 года Кук скажет, что вопрос о Южном материке настолько важен, что он не считает возможным разрешить его на основании предложений и догадок, необходимы факты), он напишет: «Я обошел океан Южного полушария на высоких широтах и совершил это таким образом, что неоспоримо опроверг возможность существования материка, который, если и может быть обнаружен, то лишь близ полюса, в местах, не доступных для плавания».

Еще более категорично высказались ученые-натуралисты, принимавшие участие в экспедиции, — Иоганн Рейнгольд Форстер и его сын. Георг. «Многие ученые люди, — напишут они, — издавна думали, что в Южном полушарии существует большая матерая земля, предполагая оную необходимо нужной для сохранения земли в равновесии... но плавание наше вокруг земного шара неоспоримо доказало, что по ту сторону 60 градусов широты в Южном полушарии нет земли, кроме обретенных нами Южной Георгии и Сандвичевой земли».

Но если Южного материка не существует, то чего же, собственно, его искать? Нет, не существует такого континента, населенного людьми.

...До 71-го градуса 10 минут южной широты пробился Кук. Впереди было необъятное ледяное поле и горы, ледяные горы.

Означало ли это, однако, что ближе к Южному полюсу нет какого-нибудь материка?

Подчеркнем еще раз: Кук не считал так. Он писал: «Я не стану отрицать, что близ полюса может находиться континент или значительная земля. Напротив, я убежден, что такая земля там есть и, возможно, что мы видели часть ее. Великие холода, огромное число ледяных островов и плавающих льдов — все это доказывает, что земля на юге должна быть». Но при этом он добавлял: «Однако большая часть Южного материка (если предположить, что он существует) должна лежать в пределах полярной области выше южного полярного круга, а там море так густо усеяно льдами, что доступ к земле становится невозможным. Риск, связанный с плаванием в этих необследованных и покрытых льдами морях в поисках Южного материка, настолько велик, что я смело могу сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем это удалось мне. Земли, что могут находиться на юге, никогда не будут исследованными».

Слова эти были написаны в 1775 году.

За двенадцать лет до этого один из крупнейших ученых XVIII века писал: «В близости Магелланова пролива и против мыса Доброй Надежды около 53 градусов полуденной широты великие льды ходят, почему сомневаться не должно, что в большом отделении острова и матерая земля многими и нисходящими снегами покрыты и что большая

обширность земной поверхности около Южного полюса занята оными, более чем на севере».

Ученого звали Михаил Васильевич Ломоносов.

«...Ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем это удалось мне. Земли, что могут находиться на юге, никогда не будут исследованными».

Кук ошибся.

Такие люди нашлись.

Семь кругосветных плаваний совершили русские моряки с 1803 по 1819 год. Они обследовали обширные районы Тихого океана, с возможной точностью определили географическое положение всех посещенных и замеченных островов, провели многочисленные гидрографические работы, вплотную занялись проблемой — ими же первыми и поставленной — взаимодействия океанических и воздушных масс.

В 1819 году началось восьмое кругосветное плавание. Одновременно оно стало и первым русским антарктическим путешествием — «для изведения стран около Южного полюса с большой точностью, нежели сколько известно об оных поныне».

Главным результатом этой вошедшей в историю научной антарктической экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева стало, как известно, открытие Антарктиды. 27 (15) января 1820 года «Восток» и «Мирный» первый раз подошли к Антарктическому континенту. Это произошло примерно под 69-м градусом южной широты и 15-м градусом восточной долготы. 2 февраля (21 января) корабли вторично подошли к ледяному материку. 17 (5) февраля 1820 года они в третий раз подошли к ледяному континенту. Был и четвертый — 25—26 (13—14) февраля.

На следующий год, как известно, экспедиция продвинулась до 69°53' южной широты, открыла остров Петра I и Берег Александра I. Путешествие продолжалось 751 день (из них ходовых под парусами 527). Экспедиция обошла вокруг всей Антарктиды! Это было поистине беспрецедентное плавание.

Наиболее южный из материков, пятый материк, существовал!

Два года спустя, в 1823 году, английский охотник на тюленей, Джеймс Уэдделл, покинув берега Южной Америки, направляет свои корабли «Джейн» и «Буофой» на юг. Проходит какое-то время, и, как обычно, появляются льды;

видны—и их все больше—айсберги. Уэдделл продолжает упрямо продвигаться вперед, хотя ему и говорят, что пора вернуться: вряд ли в этих местах найдешь удобные лежбища тюленей. Проходит еще день-другой, и вдруг как в сказке, все меняется: нет уже ни айсбергов, ни льдин. Впереди — чистое море.

До 74 градусов 15 минут южной широты и 34 градусов 60 минут западной долготы доводит «Джейн» и «Буофой» Уэдделл. Море чистое, лишь где-то на горизонте виднеется несколько айсбергов.

Маловероятно, говорят скептики. Открытое Полярное море? Да еще на 74-м градусе!

Уэдделлу и впрямь повезло: с той поры это открытое море (море Уэдделла), а оно, как нам теперь известно, вдается в Антарктический континент до 78-го градуса южной широты, вроде бы никто никогда и не видел свободным ото льда.

Но так или иначе рекорд Кука побит.

Мы не будем перечислять все осуществленные в эти годы и чуть позднее походы в Антарктиду. Заметим лишь, что в 1819 году англичанин Смит открыл Южные Шетландские острова. В 1820—1821 годах сюда устремились американские китобои, в их числе и Натаниэл Палмер, с чьим именем американские исследователи связывают открытие суши к югу от Южных Оркнейских островов — Земли Палмера. Впрочем, англичане оспаривают это, предпочитая называть найденный полуостров Землей Грейама (так его называли в честь тогдашнего первого лорда адмиралтейства. По их мнению, северную оконечность данного полуострова первыми увидели английские моряки). Между прочим, вероятно, именно Палмера и имел в виду в своем письме к Дюмон-Дюрвилю морской министр.

В 1830—1832 годах было осуществлено еще одно значительное плавание в антарктические воды. Английский капитан Джон Биско открыл огромный полуостров (нынешнюю Землю Эндерби и группу островов Биско). За этими островами виднелись какие-то горы. В 1834 году английский капитан Кемп видел расположенный восточнее Земли Эндерби берег.

Пока что все эти открытия еще не складывались в четкую картину. Но в одном можно было не сомневаться: суша в районе Южного полюса существует, и она имеет огромные размеры.

Итак, 1837 год, и капитан Дюмон-Дюрвиль готовится к новой кругосветной экспедиции. На сей раз с заходом в антарктические воды. Прав ли в своих рассказах Уэдделл, действительно ли так далеко на юг простирается открытое море — одна из проблем, которую должна выяснить экспедиция.

Дюмон-Дюрвиль едет в Лондон. Это своего рода рекогносцировка: в Париже знают, что англичане (впрочем, так же как и американцы) готовят новые экспедиции в Антарктику. И дело не только в поисках южного магнитного полюса (по предложению Гаусса и Александра Гумбольдта как раз в это время этой проблемой решают заняться, что называется, вплотную). Дело еще и в соперничестве: великие державы начинают интересоваться новыми землями в Антарктиде. (В Океании соперничество идет уже полным ходом — через три года, в 1840-м, будет объявлена английской Новая Зеландия, в 1842-м захватит Маркизские острова Франция.)

В клубе имени Рэли, а все члены этого клуба путешественники, Дюмон-Дюрвиль на приеме задает своим собеседникам вопрос в упор:

— Каково ваше мнение об Уэдделле?

— Достоинейший человек, — говорят ему. — Настоящий джентльмен. Можно не сомневаться, его реляция соответствует истине.

Командировка длится десять дней. Шестого мая 1837 года Дюмон-Дюрвиль возвращается в Париж. «Вас хочет видеть король», сообщают ему. Аудиенция состоится пятнадцатого мая. Его королевское величество Луи-Филипп, любивший щеголять своей «демократичностью» (с зонтиком под мышкой и лишь издали сопровождаемый филерами, он чуть ли не каждый день, будто простой гражданин, прогуливался по «своему» Парижу), примет его в своем кабинете один. Более часа беседует он с Дюмон-Дюрвилем и милостиво разрешает установить премию всем тем, кто достигнет 75-го градуса южной широты, — 100 франков, а за каждый последующий градус к югу еще по 20 франков.

Королевская Франция тоже будет участвовать в поисках южного магнитного полюса. И в исследовании Антарктиды.

Свои пожелания счастливого плавания и поздравления Дюмон-Дюрвилю присылает вдохновитель русской антарктической экспедиции, автор поистине классического Атласа Южного моря, прославленный адмирал И. Ф. Крузен-

штерн, высоко ценивший картографические работы, выполненные французским моряком во время плавания на «Астролябии». Пожелания счастливого плавания прислал и знаменитый Александр Гумбольдт.

Седьмое сентября 1837 года. «В нынешний вторник, — запишет в своем дневнике Дюмон-Дюрвиль, — я попрощался с моей семьей. Дважды я уже проходил через это тяжелое испытание, но в ту пору я был молод, полон сил, надежд, веры в будущее. В 1837 году я был уже стар... и у меня не было никаких иллюзий...».

Хотя оба корабля Дюмон-Дюрвиля — и «Астролябия», и «Усердный» («Зеле») — и именовались корветами, были они обыкновенными габарами, торгово-транспортными, а попросту грузовыми судами, построенными в Тулоне в 1811 году, в самый разгар наполеоновских войн. Впрочем, еще с легкой руки Кука привилась та точка зрения, что военные корабли менее удобны для кругосветных плаваний, чем не такие быстроходные, но зато более прочные и устойчивые торговые суда. Кук плавал на так называемых угольщиках — больших барках, соответственно, конечно, переоборудованных и оснащенных, и не мог нахвалиться их добротностью. «Астролябия», как мы уже упоминали об этом, именовалась «Ракушкой» и успела дважды обойти вокруг земного шара. «Усердный» первоначально нес службу в Рошфоре, участвовал в 1822 году во франко-испанской войне, а в 1829-м провел мадагаскарскую кампанию.

Тоннаж и того и другого судна был незначителен, примерно 380 тонн. Напомним для сравнения — тоннаж корабля Лазарева «Мирный» составлял 530 тонн. Вооружены и «Астролябия», и «Усердный» были примерно одинаково. На «Астролябии» находилось десять длинноствольных каронад восемнадцатого калибра и две короткоствольные пушки.

...Два маленьких корабля, вполне маневренные и ходкие, они словно скорлупки в океанском просторе. Им предстоит далекий и нелегкий путь.

Задумывались ли вы когда-нибудь, разглядывая на картинках эти красивые парусные суда или глядя на них в кино, таких нарядных, быстрых, скользящих по глади волн, как трудно и сложно текла на них жизнь, будничная, рабочая жизнь, каким поистине подвижническим трудом добывались все те блестящие открытия, которые были осуществлены на этих утлых судах? А ведь едва ли не весь зем-

ной шар был открыт с помощью парусников! Едва ли не весь земной шар!

Скажем прямо, суда Дюмон-Дюрвиля не очень приспособлены к плаванию в антарктических водах. Но где они, в ту пору соответствующим образом приспособленные суда? И легче ли было Куку, Биско, Беллинсгаузену? Легче ли было капитанам отправлявшимся на тюлений промысел судов, что проникали на ближние подступы к ледяному континенту?

Дюмон-Дюрвиль знает: время не ждет. Еще в начале 1837 года американские газеты сообщили о том, что в воды Тихого и Атлантического океанов отправляется целая флотилия—пять судов. Они должны заняться исследованием далекой Океании и одновременно поисками антарктических земель. Именно последнее и составляет главную цель планируемой экспедиции американца Уилкса. Готовится экспедиция и в Англии.

Так как же все-таки, можно ли, используя тот же примерно путь, которым шел Уэдделл, добраться до внутренних районов Антарктиды? Да или нет?

Корабли выходят из Тулона. Три месяца спустя они в Магеллановом проливе. Около месяца будет Дюмон-Дюрвиль заниматься здесь гидрографическими работами — от мыса Св. Девы до порта Галлан. Затем направится на юг.

Пятнадцатого января 1838 года, когда суда находились на 58-м градусе южной широты, появляется первый айсберг. Впрочем, море в общем спокойное и можно плыть дальше. Но семью днями позже под 65-м градусом на пути кораблей возникает сплошная ледяная стена. Двести сорок миль проходят корабли вдоль кромки льда и не находят нигде ни малейшего прохода. Интересно, каким образом пробился вперед Уэдделл? И где это открытое море?

Суда возвращаются назад и неподалеку от Оркнейских островов, на 61-м градусе южной широты, попадают в жестокую ловушку: за ночь льды перекрыли проход. Пять дней проводят в трудной схватке со стихией моряки. На их счастье, на шестой день наконец-то меняется ветер. Неокрепший лед дает трещину. В ход идут ломы, топоры, кирки. Трещину удастся расширить, и вот уже в образовавшийся проход медленно входят корабли. Пройдут или нет? Постепенно разводье увеличивается. Кажется, на сей раз пронесло.

Плавание продолжается. Корабли идут вдоль кромки припая. Но никакого прохода не находят, хотя они и продельывают с запада на восток не меньше трехсот миль. Пятнадцатого февраля на 62-м градусе южной широты Дюмон-Дюрвиль, видя, что ледяной барьер вновь поворачивает, на сей раз на север, по направлению к Сандвичевым островам, меняет курс. Теперь корабли идут на запад. Моряки проводят гидрографические исследования Оркнейских островов и восточного берега Южных Шетландских островов.

Затем корабли еще раз меняют курс и поворачивают на юг. Они открывают несколько, как им кажется, островов. Позднее выяснится, что остров, названный ими островом Луи-Филиппа, это северная оконечность нынешней Земли Грейама. Другой остров, Жуанвилль, отделен от Земли Грейама узким проливом.

Проверить, существует ли связь между Землей Грейама и Берегом Александра, Дюмон-Дюрвилью не удастся. У него на борту шестьдесят человек, больных цингой. В плохом состоянии остальные: устали безмерно. Надо возвращаться в более теплые широты.

Медленно движутся на север, в теплые широты, французские корабли. Французским морякам так и не удалось обнаружить свободный проход, о котором говорил Уэдделл.

В гавани Талькауано, в Чили, а затем в Вальпараисо корабли ремонтируются, а экипажи, хотя, конечно, им и хватает работы, все же немного отдыхают от тяжелого похода.

Из Чили «Астролябия» и «Зеле» выходят на просторы Тихого океана. Они посещают Соломоновы острова, острова Вити и в конце 1838 года бросают якорь на Таити. Потом они продолжают океанографические исследования возле берегов Новых Гебридов и архипелага Бенкса, о котором, как скажет Дюмон-Дюрвиль, было известно лишь то, что он существует. Они исследуют береговую линию Новой Гвинеи, плавают в море Банда. Оттуда Дюмон-Дюрвиль отправляется к берегам все еще плохо изученной, во многом загадочной Новой Голландии.

И вот наконец Хобарт-Таун. 1839 год близится к концу.

После почти двухгодичного плавания корабли нуждаются в ремонте. Устали и моряки. К тому же несколько человек серьезно больны. И нужно пополнить припасы. Дел много. И наверное, мало кто мог себе представить, разве что Дюмон-Дюрвиль и его ближайшие помощники, развив-

шие бурную деятельность, что по прошествии каких-нибудь двадцати дней корабли вновь выйдут в море. И вновь отправятся к берегам Антарктиды.

Один из соратников Дюмон-Дюрвиля, объясняя спешку, откровенно заметит: «Дело в том, что ристалище было уже в самом разгаре». Американская экспедиция Уилкса, английская во главе с Джеймсом Россом были нешуточными соперниками. Дюмон-Дюрвиль скажет еще прямее: «Не могли же мы сидеть и ждать, пока нас обгонят. Речь шла о научных открытиях, о научных исследованиях, о расширении географических знаний, и это, естественно, составляло главную цель экспедиции. Но и о престиже, о чести флага тоже».

В ночь на тридцать первое декабря 1839 года были закончены все приготовления. Конечно, ремонт кораблей был проведен не самым лучшим образом, не хватало и матросов. Но настроение было хорошее, боевое.

В 4 часа утра первого января 1840 года был поднят флаг к отплытию. Корабли снялись с якоря, но тремя часами позднее вынуждены были вернуться назад: сильный встречный ветер не давал им выйти из бухты.

Второго января ветер переменился. Море было спокойное, дул мягкий попутный бриз.

В своей книге «Путешествие к Южному полюсу» Дюмон-Дюрвиль впоследствии писал: «Между 120 и 160 градусами восточной долготы находились обширные, никем еще не исследованные пространства. Именно в этот район я и намеревался направить свои фрегаты. Я не знал еще в ту пору, что за год до этого английский торговый корабль уже побывал в этих краях, и я понятия не имел ни об островах Баллени, ни о Земле Сабрина, которые были открыты за год до нашего появления в здешних местах».

Беря под свою личную ответственность эту новую попытку проникнуть в глубь Антарктики, Дюмон-Дюрвиль на сей раз не собирался продвигаться вдоль ледяного барьера. «Я хотел, — засвидетельствует он, — просто совершить вылазку и выяснить, где, на какой параллели начинаются настоящие льды. Потом я собирался направиться к Оклендским островам или в один из портов Новой Зеландии».

Не загадывая, какими окажутся конечные результаты этой новой попытки, Дюмон-Дюрвиль был полон решимости сделать все, что в его силах, дабы она стала успешной

для наук о Земле. Напомним: одна из задач экспедиции, как подчеркивалось в полученной Дюмон-Дюрвилем инструкции, заключалась в том, чтобы отыскать магнитный полюс.

Ветры, помешавшие вовремя выйти из Хобарта, доставили немало хлопот и в последующие дни. На море не прекращалось волнение, волны высотой в четыре — шесть и больше метров шли сплошной чередой. Бесперывная бортовая качка не только мешала ходу, но и утомляла людей. Число больных увеличивается с каждым днем. Это не цинга, говорит врач, это просто общая слабость, организм плохо адаптируется к здешним суровым условиям.

Условия действительно суровые. Становится все холоднее, обледеневают паруса, обледеневают палуба. На пятидесятом градусе сопровождавшие корабли альбатросы словно по команде делают прощальный разворот. Исчезает и стадо китов, резвившихся неподалеку от кораблей.

Шестнадцатого января появляются первые айсберги. Может быть, где-то неподалеку земля?

Но где она, эта земля? Восемнадцатого января корабли достигли 64-го градуса. А море в общем по-прежнему чистое, и лишь кое-где видно несколько плывущих ледяных гор.

Низко нависло серое сумрачное небо, идет небольшой снег. Три часа дня. Лейтенант Жервез велит одному из матросов позвать капитана Дюмулена: кажется, впереди берег. Тот поднимается на капитанский мостик «Астролябии», внимательно всматривается вдаль. «Ошибка, — говорит он. — Это просто туча».

Все то же восемнадцатое января 1840 года. Десять часов пятьдесят минут вечера. На борту — все в ожидании. Солнце пробилось сквозь тучи, и в дрожащем мареве вдалеке, у горизонта, видна какая-то серая полоса. Берег? Припай?

Ночью корабли продолжают движение. Но под утро начинается штиль. Ход не более узла. Появляются льдины, а потом множество айсбергов. Едва ли не ощупью ведут свои корабли капитаны, постоянно лавируя в узких проходах, и кажется, нет и не будет конца пути в этом лабиринте ледяных гор.

Впереди, прямо по борту, видна какая-то полоса. Земля? Лед?

Поначалу моряки никак не могут разобраться, что же, собственно, они открыли. На тысячу — тысячу двести метров возвышается сплошная стена высоко над морем. С кораблей спускают шлюпки. Они аккуратно проходят между небольшими льдами и, к несомненному удовольствию наблюдающих за их приближением пингвинов, держат путь к берегу. Матросы карабкаются по склону. Под ударами кирок во все стороны разлетаются осколки льда.

Но здесь все-таки был не только лед. Это становится ясным, когда кирка одного из матросов неожиданно высекает огонь. Да, вот она, скала. На ней и льда-то почти нет. С трудом отбивают матросы от нее несколько небольших кусочков: не так-то просто иметь дело с гранитом. Они поднимаются повыше и видят несколько обломков скал. Вот это уже получше, можно собрать коллекцию.

Взвивается трехцветное французское знамя. По кругу идет запасливо прихваченная бутылка бордо.

В полдесятого вечера двадцать первого января 1840 года офицеры и матросы салютуют новооткрытой земле. Около одиннадцати шлюпки возвращаются к кораблям.

Дюмон-Дюрвиль стоит на полуострове. Солнце уже село, но открытый им берег антарктической суши светлеет на фоне темного неба, словно старое серебро.

В честь своей жены он назовет эту землю Землей Адели.

Ночь коротка, и корабли не успевают далеко отойти от новооткрытой земли, как впередсмотрящий докладывает: «Путь впереди перекрыт льдинами». Погода все еще была хорошая, ясная, и ничто, казалось, не предвещало резких перемен. Но по мере приближения кораблей к ледяному барьеру погода начинает портиться, да и сам барьер значительно основательней, чем предполагали моряки.

За ветрами следует снег. Видимость ухудшается. «Пусть «Зеле» несколько отойдет назад, — командует Дюмон-Дюрвиль. — Передайте распоряжение не мешкая». «Зеле» не откликается. За завесой снега ее и не видно. Может быть, ее вообще отнесло в сторону?

Проходит еще час. Не видно ни неба, ни земли, ни моря. Неистовый ветер охапками швыряет снежные заряды на палубу «Астролябии», волны обрушиваются на судно. На носу сплошной лед. Вдобавок что-то странное происходит с компасом. Мы явно находились недалеко от магнитного поля, заметит впоследствии Дюмон-Дюрвиль. И до-

бавит: «Этот злосчастный день был самым трудным из всех тех, что мы провели в полярных краях».

Но и следующий день был не намного лучше. Тяжело пришлось экспедиции двадцать четвертого января. К семи часам вечера ветер достиг такой силы, что корабль практически был лишен возможности маневрировать. Люди валялись с ног. Палубу без конца заливало. Ночь была ужасной.

Утром горизонт посветлел. Порывы ветра поутихли, улучшилась видимость. Где же все-таки «Зеле»? Дюмон-Дюрвиль обещает премию тому, кто увидит пропавший корабль. Претендентов нет. К двенадцати часам дня все остается по-прежнему: никаких следов. В четыре часа пополудни море пустынно. Неужели корабль погиб? Проходит еще час. Впередсмотрящий сигналист: вижу парус. Но вчера уже был такой сигнал. Выстрелили из кормовой пушки, как и полагается. Никакого корабля не было. Неужели то же самое повторится и сегодня?

«Курс — на парус», — командует Дюмон-Дюрвиль. В шесть часов вечера наконец-то огромная радость: действительно, «Зеле». Корабль не справился с управлением, его отнесло во время шторма. Но теперь-то более или менее все в порядке. Схватка со стихией продолжается. Весь день двадцать шестого января экипажи «Астролябии» и «Зеле» проводят в тщетных попытках приблизиться к земле. И берег-то недалеко, всего лишь в трех-четыре милиях, а подойти невозможно. Откуда-то приносит крупные льдины. С большим трудом прокладывают себе путь моряки. Льдин становится все больше и больше. В какой-то момент Дюмон-Дюрвиль насчитывает их более ста пятидесяти в пределах видимости.

Потом становится немного легче. Когда корабли подходят к 64-му градусу, море оказалось почти свободным от льдин. Улучшается видимость. И хотя волны по-прежнему грозны, корабли испытывают меньшую качку, чем в предыдущие дни. Попутный ветер надувает паруса.

Внезапно раздается возглас одного из матросов: «Впереди судно!» Судно? Не может быть! Откуда бы ему взяться? Проходит несколько минут, и сомнения рассеиваются: безусловно, корабль, и движется он ходко. На нем тоже, видимо, заметили французский корабль: на мачте взвивается звездно-полосатый флаг.

Американец!

Французы поднимают флаг. В полной уверенности, что американский капитан последует его примеру, Дюмон-Дюрвиль приказывает замедлить ход. Но американское судно продолжает свой путь и вскоре исчезает вдали. Кто кого не понял, сказать трудно. Уилкс (а это было одно из судов его эскадры) впоследствии уверял, будто американского капитана смутил маневр, предпринятый Дюмон-Дюрвилем: ему показалось, что Дюмон-Дюрвиль не собирался останавливаться. Последний же пишет, что был удивлен поступком американца, что он хотел остановиться, обменяться новостями. «Мы не собирались делать секрета из наших открытий, — сказал Дюмон-Дюрвиль в «Путешествии к Южному полюсу», — тем более что эти сведения могли бы оказаться им полезными — помочь расширить круг географических представлений».

Тридцатого января происходит еще одно событие: французские моряки называют открытый ими остров «Берегом Клари» — в честь жены капитана «Зеле».

«Я посчитал наш долг выполненным. «Астролябия» и «Зеле» внесли свою, и достаточно весомую, лепту в географические и геофизические исследования в данном районе. Конечно, в принципе можно было бы продолжить наше продвижение дальше на запад, может быть, даже снова разыскать землю, ибо, как я полагаю, она окружает большую часть Полярного круга и в конечном счете будет обнаружена теми мореплавателями, которым улыбнется счастье, или же теми храбрецами, которые на свой страх и риск пересекут окаймляющие ее обычно льды. Но я подумал о том, в каком тяжелом состоянии находятся команды, особенно на «Зеле», и решил», — свидетельствует Дюмон-Дюрвиль.

Вечером первого февраля 1840 года на 65-м градусе 20 минутах южной широты и на 180-м градусе 21 минуте восточной долготы корабли Дюмон-Дюрвиля распрощались с закованным в лед континентом и взяли путь на Хобарт-Таун.

В Хобарт экспедиция пришла семнадцатого февраля, а двадцать пятого вновь вышла в море. Два месяца будут «Астролябия» и «Зеле» исследовать восточные берега Новой Зеландии. Затем они еще раз посетят Лоялти, Гебриды, Новую Гвинею. Трижды пытается Дюмон-Дюрвиль

войти в Торресов пролив, но ветры и течения мешают ему. Приходится обойти эти негостеприимные берега.

Тимор, Батавия, остров Св. Елены...

Утром седьмого ноября 1840 года изрядно потрепанные «Астролябия» и «Зеле» бросают якорь на маленьком внутреннем рейде Тулона. Путешествие продолжалось 38 месяцев. Как всегда, значительны осуществленные океанографические работы. Великолепны и редкостны собранные минералогические, зоологические и ботанические коллекции. Привезено много новых карт, описаний, рисунков. Но самое главное — это открытия, совершенные в Антарктике. Они вписывают новые страницы в исследование земель, лежащих за Южным полярным кругом.

Через месяц и три недели после возвращения, тридцать первого декабря 1840 года, Дюмон-Дюрвилью присваивают звание контр-адмирала. В ознаменование совершенных им открытий и исследований Французское географическое общество награждает его своей высшей наградой — золотой медалью. Он приступает к подготовке в печать материалов своей экспедиции.

В письме, датированном первым мая 1842 года, Дюмон-Дюрвиль писал: «Если здоровье позволит, я проведу в июне месяце восемь или десять дней в Кане и Конде... Больше, чем моя хворь (у него было обострение подагры. — *А. В.*), меня огорчает то обстоятельство, что вот уже пятнадцать месяцев, как у меня стало сдавать зрение. Я могу писать только днем, нацепив при этом на нос очки. Для человека моего закала видеть, как разваливаешься по частям, право, не весело. Уж если на то пошло, я предпочел бы, чтобы все закончилось одним махом, как у моей матери...»

Неделю спустя, восьмого мая, знаменитый адмирал вместе с женой и сыном, единственным оставшимся у него сыном, едет на праздник в Версаль. Было весело, праздник удался на славу, народу оказалось очень много. В пять часов тридцать три минуты вечера, с опозданием на три минуты, из Версаля на Париж вышел переполненный людьми поезд. В нем было семнадцать вагонов, и его вели два локомотива: один, поменьше, впереди, другой, побольше, за ним. Всего в составе ехало семьсот шестьдесят восемь пассажиров. Около Бельвю, где начинался подъем, произошло несчастье: передний локомотив сошел с рельсов. В свою оче-

редь переворачивается и второй локомотив. Наткнувшись на препятствие, вздыбливаются два передних вагона, затем еще несколько. Вспыхивает пожар.

Десятки людей гибнут в этой ужасной катастрофе. В их числе и прославленный адмирал, трижды сквозь бури и штормы невредимым обошедший земной шар. Гибнут его жена и сын.

Его хоронят на кладбище Монпарнас, вместе с семьей. Ему воздвигают памятник. Родной город Кан устанавливает ему в 1844 году бронзовую статую. Имя Дюмон-Дюрвиля, одного из выдающихся мореплавателей XIX века, исследователя-географа, ученого, внесшего значительный вклад в исследование Океании и Антарктиды, блестящего и мужественного человека, присваивается одной из улиц Парижа. Его именем называют один из Каролинских островов, один из островов в Меланезии, гору на Земле Луи-Филиппа. В 1914 году известный полярный исследователь, австралиец Дуглас Моусон, называет море, омывающее берега открытой Дюмон-Дюрвилем Земли Адели, морем Дюрвиля.

И вот уже более двадцати лет, как на Земле Адели ведет научно-исследовательскую работу французская антарктическая станция «Дюмон-Дюрвиль».

Варшавский А. С.
В 18 **Дюмон-Дюрвиль. М., «Мысль», 1977.**
59 с. (Замечательные географы и путешественники)

Рассказывается о жизни, полной приключений и путешествий, известного французского мореплавателя XIX века Дюмон-Дюрвиля. Совершив два кругосветных путешествия и экспедицию в Антарктиду, исследователь-географ открыл и положил на карту много островов в Тихом океане, часть побережья Антарктиды и внес тем самым замечательный вклад в открытие Земли.

В 20901-067 БЗ-82-15-76
004(01)-77

91 (09)

ИБ № 652

**Варшавский
Анатолий Семенович**

**ПУТЕШЕСТВИЯ
ДЮМОН-ДЮРВИЛЯ**

Заведующий редакцией

О. Д. КАТАГОЩИН

Редактор

Г. Е. МАТВЕЕВА

Редактор карт

Д. А. КИСЕЛЕВА

Художественный редактор

Е. А. ЯКУБОВИЧ

Технический редактор

Л. П. ГРИШИНА

Корректор

В. А. МАКАРОВА

Сдано в набор 25 ноября 1976 г. Подписано в печать 13 апреля 1977 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1. Усл. печатных листов 3,36.
Учетно-издательских листов 3,06. Тираж 50 000 экз. А 07341. Заказ № 1926.
Цена 16 коп.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном
комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Хохловский пер., 7.

НОВЫЕ КНИГИ

В 1977 г.
издательство «Мысль»
выпустит в свет:

Рокуэлл Кент. Плавание к югу от Магелланова пролива. Нью-Йорк—Лондон, 1924. Пер. с англ. Изд. 2-е. 12 л. (Путешествия. Приключения. Поиск), 1 р. 05 к.

Выдающийся американский художник, писатель и прогрессивный общественный деятель Рокуэлл Кент (1882—1971) рассказывает о своем путешествии у Южной оконечности американского материка в 20-х годах нашего века.

Увлекательно, живо и остроумно Кент описывает свои приключения во время плавания на боте в проливах между многочисленными островами у мыса Горн и Огненной Земли, рассказывает о встречах с исконными жителями этих мест — индейцами и европейскими переселенцами. Ярко и образно он рисует картины суровой природы: величественные горы и ледники, девственные леса и холодное бушующее море.

Книга иллюстрирована рисунками автора. Расчитана на широкий круг читателей.

С м и т А. Мату-Гросу — последняя девственная земля. Лондон, 1971. Пер. с англ., 15 л., 1 р. 20 к.

В книге рассказывается об экспедиции Географического общества Великобритании в малоизученном бразильском штате Мату-Гросу. Живо и увлекательно автор повествует о природе и обитателях района, еще не испытавших влияния современной цивилизации, знакомит с историей исследования этого во многом еще дикого уголка земного шара с XIX века до наших дней.

Издание иллюстрировано редкими фотографиями. Рассчитана на массового читателя.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Предварительные заказы на книги издательства «Мысль» принимают все книжные магазины, распространяющие общественно-политическую литературу.

Если вышедшей книги в магазине не оказалось, посылайте заказы в отдел «Книга — почтой» местного книготорга или по адресу: 103009. Москва, Центр, проезд Художественного театра, 6. Магазин № 84, отдел «Книга — почтой».

Издательство "Мысль"

